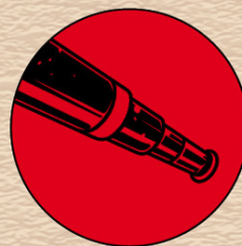

INSPIRIA

Алекс
Павези

ВОСЬМОЙ ДЕТЕКТИВ

*«Когда Агата Кристи
сняла бы шляпу...»*

INSPIRIA

Ток. Детектив в кубе

Алекс Павези

Восьмой детектив

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Павези А.

Восьмой детектив / А. Павези — «Эксмо», 2020 — (Ток.
Детектив в кубе)

ISBN 978-5-04-117210-7

«Я не мог остановиться, когда читал «Восемь детективов»... В конце хотелось аплодировать!» — Алекс Норт, автор бестселлера «Шепот за окном» «Когда вы в последний раз читали подлинно оригинальный триллер? Ожидание окончено» — А. Дж. Финн, автор бестселлера «Женщина в окне» «Невероятно умно. Агата Кристи снимает шляпу — браво!» — Сара Пинборо, автор книги «В ее глазах» Алекс Павези создал детектив, напоминающий золотые романы Кристи, но с уникальной живой структурой. Это книга-ребус, которая предлагает читателю разгадать загадку раньше главной героини. Многоуровневый детектив с запутанной историей и наслоением сюжетных поворотов. «Восьмой детектив» — это одновременно и оммаж классике жанра, и ее полное переосмысление. Все истории об убийствах подчиняются правилам — как минимум, там есть жертва, детектив и подозреваемый. Тридцать лет назад профессор математики Грант Макаллистер в этих правилах разобрался и написал семь прекрасных детективных историй. Но это было слишком давно, ведь теперь Грант живет отшельником на средиземноморском островке, подсчитывая остаток своих дней. Вдруг, как чертик из табакерки, в жизни Гранта появляется Джулия Харт, амбициозный редактор, страстно желающая переиздать те самые детективные истории. Теперь писатель, который прячется от своего прошлого, и редактор, стремящийся его понять, должны работать рука об руку. Вот только в историях Гранта полно несоответствий — или, может быть, подсказок, которые приведут к новой, восьмой тайне?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

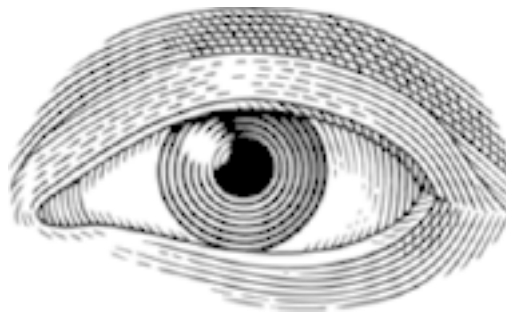
ISBN 978-5-04-117210-7

© Павези А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

[01] Испания, 1930 г	8
Первая беседа	18
[02] Смерть на морском побережье	24
Вторая беседа	34
[03] Детектив и его улики	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алекс Павези Восьмой детектив

Alex Pavesi
EIGHT DETECTIVES
Alex Pavesi, 2020

- © Авдеенко Н., перевод на русский язык, 2020
- © Белеванцев А., перевод на русский язык, 2020
- © Ключарева Д., перевод на русский язык, 2020
- © Никитенко Е., перевод на русский язык, 2020
- © Никитина М., перевод на русский язык, 2020
- © Перекрест А., перевод на русский язык, 2020
- © Рыбалкина А., перевод на русский язык, 2020
- © Столярова В., перевод на русский язык, 2020
- © Субботина А., перевод на русский язык, 2020
- © Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

«Когда вы в последний раз читали по-настоящему уникальный триллер?
Ожидание окончено».

А. Дж. Финн, автор бестселлера «Женщина в окне»

«В конце хотелось аплодировать!»

Алекс Норт, автор бестселлера «Шепот за окном»

«Загадочная коробочка, полная удовольствий... Сюжет, написанный
Павези, совершенно непредсказуем, до самого конца».

New York Times

«Этот прекрасный, умный оммаж обязателен к прочтению всем фанатам
Агаты Кристи».

Sunday Mirror

«Невероятно умно. Агата Кристи снимает шляпу – браво!»

Сара Пинборо, автор книги «В ее глазах»

«Выделяется своей замысловатостью на фоне остальных современных детективов. Алекс Павези заслуживает аплодисментов за свой сюжет, построенный с мастерством заслуженных авторов».

Sunday Express

«Что будет, если соединить математику, королеву наук, и золотой век детектива? Мы получим роман, в котором всё не так, как кажется; все не те, кем называются, и ни один финал не окончательный. Семь детективных жемчужин, нанизанных на единую нить сюжета, и даже здесь оказывается, что сама нить намного ценнее и интереснее».

Марина Мошкунова,

@books_for_women, книжный блогер

«Семь загадок в духе лучших образцов золотого века английского детектива и еще одна – на десерт. Вместо леденящих кровь живописаний – масса мелких деталей и едва заметных неувязок: все для того, чтобы читатель тоже почувствовал себя сыщиком».

Дина Ключарева,

книжный обозреватель, контрибьютор Wonderzine, The Blueprint

[01] Испания, 1930 г

В безликой белой гостиной с неподходящими друг к другу креслами сидели двое подозреваемых – они ждали, когда что-то наконец произойдет.

Их разделяла арка, которая вела к узкой лестнице, лишенной окон: казалось, что темное углубление занимает большую часть комнаты, словно разросшийся до невероятных размеров камин. Посередине лестница меняла направление, скрывая из виду верхний этаж и создавая ощущение, что ведет в темноту и никуда больше.

– Это ад – вот так ждать. – Меган сидела справа от арки. – Сколько обычно длится сиеста?

Она подошла к окну. Из него открывался вид на испанскую деревню невнятного рыжеватого оттенка. В жару она выглядела необитаемой.

– Час или два, но ведь он выпил. – Генри сидел в кресле боком, закинув ноги на подлокотник, у него на коленях лежала гитара. – Мы же знаем Банни, он будет спать до ужина.

Меган перешла к барной стойке и изучила все бутылки, осторожно поворачивая каждую из них этикеткой наружу. Генри вытащил изо рта сигарету и поднес ее к правому глазу, притворяясь, что смотрит на Меган через воображаемый телескоп.

– Нет твоим ногам покоя.

Почти все время с тех пор, как они вернулись после обеда, она расхаживала туда-сюда. Обстановка гостиной – белая плитка на полу, чистые поверхности – напоминала ей приемную врача. Больше верилось в то, что это краснокирпичное здание больницы в Англии, чем странная испанская вилла на вершине обветренного красного холма.

– У меня ногам покоя нет, а у тебя – языку, – проворчала она.

Несколько часов назад они пообедали в маленькой таверне в ближайшей деревне в получасе ходьбы через лес от дома Банни. Стоило ему встать из-за стола после еды, как оба они заметили, насколько он пьян.

– Нам нужно поговорить, – пробормотал он. – Вы, наверное, гадаете, зачем я вас сюда позвал. Я уже давно хочу кое-что с вами обсудить. – Это прозвучало как угроза: в чужой стране оба гостя полностью от него зависели. – Когда доберемся до виллы, без свидетелей.

Обратно до дома они шли почти час. Банни, с трудом взбиравшийся на холм, в своем сером костюме на фоне рыжей земли походил на старого ослика. Мысль о том, что они когда-то вместе учились в Оксфорде, казалась абсурдной: сейчас он выглядел на десять лет старше них.

– Мне нужно передохнуть, – протянул он, запустив их в дом. – Посплю, потом поговорим.

И когда Банни ушел наверх, чтобы переждать там полуденную жару, Меган и Генри упали в кресла по обе стороны лестницы: небольшая сиеста.

Это произошло почти три часа назад.

Меган смотрела в окно. Генри наклонился вперед и посчитал количество квадратов между ними: она стояла по диагонали к нему, на расстоянии семи белых кафельных плиток.

– Похоже на шахматы, – заметил он. – Так вот почему ты все время передвигаешься? Расставляешь фигуры для атаки?

Она повернулась к нему, сузив глаза.

– Шахматы – дешевая метафора. Мужчины используют ее, когда хотят представить обычный конфликт как нечто грандиозное.

Ощущение разлада витало над ними с тех пор, как Банни внезапно прервал их обед. «Нам троим нужно поговорить без местных». Меган снова взглянула в окно: так и есть, ссора – неотвратимая, как непогода: на голубом небе разливалось темное пятно.

– В шахматах главное – правила и симметрия, – продолжила она, – а в конфликте одни грубости и грязное белье.

Генри забренчал на гитаре, пытаясь переменить тему.

– Не знаешь, как ее настроить? – Он нашел ее на стене за креслом. – Я бы мог что-нибудь сыграть, если бы она была настроена.

– Нет, – ответила она, покидая комнату.

Он наблюдал, как она удаляется по коридору: копии ее силуэта в обрамлении дверных проемов последовательно уменьшались. Затем он снова закурил.

– Когда он встанет, как думаешь? Глотнуть бы свежего воздуха. – Она вернулась: самая большая копия внезапно возникла в ближайшем дверном проеме.

– Кто бы знал, – отозвался Генри. – Но прямо сейчас у него то, что положено после сытного обеда. – Она не улыбнулась. – Прогуляйся, если хочешь. Думаю, что бы он ни хотел нам сказать, это может подождать.

Меган остановилась, ее лицо выглядело столь же невинным и непроницаемым, как на рекламных фотографиях. Она была актрисой.

– А ты знаешь, что он нам скажет?

Генри помедлил.

– Не уверен.

– Ладно. Тогда выйду на улицу.

Он проводил ее кивком. Сидя лицом к коридору слева от лестницы, Генри видел, как Меган проходит коридор насквозь и исчезает за дверью. Он продолжил дергать струны гитары, пока не оборвал одну из них и не порезал тыльную сторону ладони.

В эту самую секунду в комнате потемнело, и он инстинктивно повернулся вправо: Меган заглядывала в окно снаружи, и красные холмы позади придавали ее силуэту демоническое сияние. Вроде бы она его не видела: на улице было слишком солнечно. Но он все равно чувствовал себя как зверушка в зоопарке, – прижав ко рту ладонь тыльной стороной, так что пальцы болтались у подбородка, он лизнул небольшой порез.

Меган нашла себе местечко в тени дома.

Забравшись в заросли полевых цветов, она прислонилась к дому спиной и закрыла глаза. До нее донеслось слабое постукивание: тук, тук, тук. Звук шел откуда-то позади нее. Сначала она решила, что это звук гитары проходит сквозь стены, но этот стук был лишен мелодичности. Он был очень слабым, еле слышным, но Меган все-таки явственно ощущала его присутствие, как и камешек в одной из туфель.

Тук. Тук. Тук.

Она повернулась и посмотрела вверх. Сквозь кованую решетку было видно, как в закрытое окно комнаты Банни настойчиво бьется муха. Комната Банни находилась рядом с ее спальней на верхнем этаже. Всего лишь маленькая муха, которая хочет улететь. И тут же Меган увидела, что их две, три, четыре, – целый рой мух пытался выбраться из комнаты. Угол окна потемнел от их скопления. Меган представила, как они падают на подоконник, мертвые. Она нашла на земле маленький камешек и бросила его в окно: черное облако рассеялось от удара, но из самой комнаты не донеслось ни звука. Она бросила еще один камешек, но разбудить спящего хозяина ей не удалось.

Потеряв терпение, она набрала целую пригоршню камней и бросала их один за другим, пока камни не кончились. Тогда она пошла обратно, обогнула здание, вошла в дом и вернулась по коридору к подножию лестницы, где Генри, испуганный ее внезапным появлением, с грохотом уронил гитару на холодный белый пол.

– Мне кажется, нам нужно разбудить Банни.

Он понял, что она встревожена.

– Думаешь, что-то случилось?

Меган, по правде говоря, скорее разозлилась.

– Думаю, нам нужно это выяснить.

Она начала подниматься по лестнице. Генри следовал за ней, и, когда она увидела что-то, из-за чего остановилась и вскрикнула, он инстинктивно ее приобнял. Если это и была попытка ее успокоить, то неуклюжая: двигаться дальше было невозможно.

– Пусти. – Она отпихнула его и пошла вперед, и, когда ее спина уже не закрывала ему вид, он понял, что именно ее напугало: из-под двери Банни к лестнице, словно указующий перст, тянулась тонкая струйка крови – и указывала она прямо на него.

Столько крови ни один из них раньше не видел. Банни лежал на кровати лицом вниз. Из его спины торчала рукоятка ножа, извилистый красный след шел от нее по кровати. Лезвия было почти не видно – лишь тонкая полоска стали поблескивала между телом и черной рукояткой, как лунный свет сквозь щель в занавесках.

– Прямо в сердце, – сказала Меган.

Рукоятка ножа была похожа на стержень солнечных часов, а мертвое тело невольно отмечало пройденное время.

Она подошла к кровати, стараясь не наступить в лужу крови на полу. Когда она была в шаге от тела, Генри попытался остановить ее:

– Возможно, нам не стоит...

– Мне нужно убедиться. – Как ни абсурдно это было, она приложила два пальца к шее Банни. Пульса не было. Она покачала головой. – Не может быть.

Все еще в состоянии шока, Генри присел на край матраса. Под тяжестью его тела пятна крови начали растекаться, и он вскочил на ноги, словно проснувшись от кошмара. Взглянув на дверь, он повернулся к Меган.

– Возможно, убийца все еще здесь, – прошептал он. – Я обыщу другие комнаты.

– Хорошо, – прошептала Меган в ответ. Поскольку она была актрисой, ее шепот был громким и едва ли не саркастичным. – И проверь, закрыты ли окна.

– Подожди здесь. – Он ушел.

Она попробовала глубоко вдохнуть, но в комнате уже стоял неприятный запах, и предательски жужжащие мухи все еще пытались улететь в обжигающую жару улицы. По-видимому, они уже пресытились телом. Она подошла к окну и приподняла его. Мухи вырвались на свободу и растворились в синем небе, как крупинки соли растворяются в супе. Пока Меган, похолодевшая от потрясения, стояла у окна, она слышала, как Генри обыскивает соседние комнаты, открывает шкафы и заглядывает под кровати.

Он снова возник в дверях с обескураженным видом.

– Никого нет, – сказал он.

– Все окна закрыты?

– Да, я проверил.

– Я так и думала, – сказала она. – Перед тем как мы отправились обедать, Банни все закрывал как одержимый. Я видела.

– А вон те двери закрыты? – Он указал на балконные двери позади нее. Она шагнула к ним и потянула за ручки. Двери были заперты изнутри сверху, снизу и посередине.

– Да, – ответила она и присела на край кровати, не обращая внимания на растекающуюся кровь. – Генри, ты понимаешь, что это значит?

Он нахмурился.

– Это значит, что убийца, должно быть, ушел по лестнице. Я запру двери и окна внизу. Побудь здесь, Меган.

– Подожди, – начала она, но он уже исчез.

Она слышала, как его босые ноги барабнят по твердым белым ступенькам, будто по клавишам пианино, слышала, как он остановился, когда добежал до поворота на лестнице, и шлепнул ладонью по стене, чтобы затормозить, слышала его шаги по нижнему этажу.

Она открыла ящик прикроватной тумбочки: там не было ничего, кроме белья и золотых часов. В другом ящике лежали личный дневник и пижама. Банни, разумеется, заснул не раздевшись. Она взяла дневник и пролиставала его. Последние записи были сделаны год назад. Меган положила его обратно. Затем взглянула на часы.

Сколько еще ей нужно тут сидеть, потакая показному мужеству Генри, прежде чем спуститься и вступить с ним в схватку?

Как только Генри закрывал дверь очередной комнаты, в доме становилось немного жарче. Несмотря на спешку поначалу, сейчас он двигался медленно и методично, тяжело дышал и проходил каждую комнату несколько раз, чтобы убедиться, что ничего не пропустил. Расположение комнат сбивало его с толку, и он гадал, зачем Банни поселился в таком большом доме в одиночестве. Все комнаты различались формой и размером, во многих не было окон. «И света нет, лишь видимая тьма...¹ Надо полагать, так поступают те, у кого есть деньги», – подумал Генри.

Он вернулся в гостиную и обнаружил там Меган, которая расположилась в его кресле и курила его сигареты. Он ощутил потребность сказать что-то игривое, чтобы отдалить хотя бы на миг столкновение с реальностью.

– Тебе бы гитару и стрижку, и у меня будет полное ощущение, что я смотрю в зеркало.

Меган не ответила.

– Никого, – сказал он. – Тут, конечно, множество дверей и окон. Убийца мог уйти как угодно.

Она медленно опустила сигарету в пепельницу и взяла маленький нож, который положила рядом. Он его прежде даже не заметил – еще один несущественный предмет в этой скудно украшенной комнате. Она встала, направив острое лезвие ему в грудь.

– Не шевелись, – тихо произнесла она. – Стой там. Нам надо поговорить.

Генри шагнул назад, уперся в стоявшее позади кресло и рухнул в него. Она вскинулась от этого внезапного движения, и на секунду он почувствовал себя беспомощным, в отчаянии вцепившись в ручки кресла. Но она осталась стоять там же.

– Хочешь убить меня, Меган?

– Только если ты меня вынудишь.

– Я никогда тебя ни к чему не принуждал, – вздохнул он. – Дашь мне сигарету? Боюсь, что лишусь пальца-другого, если попытаюсь добраться до них самостоятельно. Возможно, в итоге мне придется курить свой большой палец, как маленькую сигару.

Она достала сигарету из пачки и бросила ему, он подобрал ее и осторожно зажег.

– Ну что ж, – сказал он, – ты искала ссоры после обеда, но я представлял себе что-то более цивилизованное. В чем дело?

Меган заговорила с уверенностью человека, которому удалось обхитрить врага:

– Ты пытаешься изображать спокойствие, Генри, но у тебя дрожат руки.

– Наверно, я замерз. Может, дело во мне, а может, лето в Испании в этом году прохладное?

– При этом с тебя льется пот.

– А чего ты ожидала? Ты тычешь мне в лицо ножом.

– Нож маленький, ты большой. И он не приставлен к горлу. Ты дрожишь, поскольку боишься, что тебя выведут на чистую воду, а не потому, что боишься боли.

---

¹ Цитата из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (примеч. перев).

– На что ты намекаешь?

– Что ж, рассмотрим факты. Наверху пять комнат. На всех окнах решетки. Карикатурно толстые черные решетки. В двух комнатах есть двери на балкон, и все они были закрыты. Как и окна. Ты их сам только что проверил. На верхний этаж ведет только одна лестница – вот эта. Все верно?

Он кивнул.

– Тогда, кто бы ни убил Банни, он должен был подняться по этим ступенькам, – она указала на лестницу, поворот которой был скрыт мраком, – и вернуться тем же путем. А ты сидел здесь внизу с тех самых пор, как мы вернулись с обеда.

Он пожал плечами.

– И что? Ты же не думаешь, что я как-то связан со всем этим?

– Именно так я и думаю. Ты либо видел, как преступник поднимается по лестнице, либо сам поднялся по ней, что делает тебя или убийцей, или соучастником преступления. Но мне кажется, ты провел тут недостаточно времени, чтобы завести друзей.

Он закрыл глаза и сконцентрировался на ее словах.

– Какая чушь. Кто-то мог прокрасться мимо меня. Я не смотрел по сторонам.

– Кто-то мог в полной тишине прокрасться мимо тебя через всю эту белую комнату? Кто же это, Генри: мышь или балерина?

– Так ты правда думаешь, что это я его убил? – До него наконец дошли ее рассуждения, и он вскочил в негодование. – Но, Меган, кое-что ты упустила. Возможно, я действительно сидел здесь, пережаривая обед, но ты, черт возьми, находилась тут одновременно со мной.

Она склонила голову набок.

– Не совсем так. Я помню, что как минимум три раза выходила наружу подышать свежим воздухом. Ты, случайно, не поэтому так много дымил – пытался выкурить меня из здания? Не знаю, сколько времени требуется, чтобы вонзить нож человеку в спину, но мне кажется, это можно сделать довольно быстро. Да и то большую часть времени будешь мыть руки после содеянного.

Генри снова сел.

– О боже, – он попытался устроиться поудобнее, – ты серьезно, да? Мы только что нашли нашего друга мертвым наверху, а ты всерьез предполагаешь, что его убил я? С чего ты так решила? Потому что я сидел рядом с лестницей? Ты ведь знаешь меня почти десять лет.

– Люди меняются.

– Что ж, это правда. Сейчас я думаю, что Шекспир переоценен, и в церковь я ходить перестал. Но надеюсь, если бы я позабыл обо всех моральных принципах, кто-нибудь сообщил бы мне об этом.

– Не принимай это на свой счет. Я просто сопоставляю факты. Ты был здесь все это время, так?

– Не принимать на свой счет? – Он с недоверием покачал головой. – Ты когда-нибудь читала детективы, Меган? Существует миллион способов, как это могло произойти. Может, здесь есть секретный проход, ведущий наверх.

– Генри, это реальный мир. В реальном мире, если только у одного человека есть мотив и возможность, то он обычно и виновен.

– Мотив? И какой же у меня мотив?

– Зачем Банни позвал нас сюда?

– Понятия не имею.

– А я думаю, имеешь. После пяти лет молчания он пишет нам обоим и приглашает навестить его в Испании. И мы оба несемся сюда. Почему? Потому что он собирался шантажировать нас. Ты, должно быть, знал об этом?

– Шантажировать нас? Тем, что случилось в Оксфорде? – Генри отмахнулся от этой мысли. – Ведь это Банни был за рулем.

– Но и мы были не так уж невинны, правда?

– Это чепуха. Я приехал, потому что он сказал мне, что здесь будешь ты и что ты хочешь меня увидеть. Ни о каком шантаже он не упоминал.

– Его письмо у тебя с собой?

– Нет.

– Значит, мы полагаемся только на твои слова?

Он рассеянно разглядывал пол.

– Меган, я все еще люблю тебя, поэтому и приехал. Банни точно знал, что нужно сказать, чтобы затащить меня сюда. Не могу поверить, что ты думаешь, будто я мог сделать это.

Меган бесстрастно выслушала его признание.

– Хотела бы я жить в твоём мире, Генри. Ты, видимо, воображаешь, что мы вот-вот запоем дуэтом.

– Я всего лишь говорю, что чувствую.

– А я, как уже сказала, пытаюсь связать факты в единое целое.

– Если только...

– Что? – Она посмотрела на него с подозрением. Нож в её руке дернулся. – Если только что, Генри?

Он опять встал, положив одну руку на голову, а вторую уперев в ровную белую стену. Затем он принялся расхаживать туда-сюда.

– Не беспокойся, я знаю свое место.

Она напряглась, кончик ножа следовал за его движениями.

– А вдруг, пока ты ненадолго выходила на улицу подышать, я тоже вышел? Я вполне мог. Если бы я вышел, ты бы не узнала. И в этот момент убийца мог бы напасть.

– А ты выходил?

– Да, – сказал он, садясь обратно в кресло. – Я пошел в свою спальню за книгой. Должно быть, тогда-то убийца и проскользнул мимо меня.

– Ты лжешь.

– Не лгу.

– Лжешь. Если бы это было правдой, ты рассказал бы об этом раньше.

– Я забыл, только и всего.

– Прекрати, Генри. Вранье мне не интересно.

Он вытянул руку – она не дрожала.

– Посмотри сюда. Я говорю правду.

Она пнула ножку его кресла, и он вцепился в подлокотник, чтобы удержать равновесие.

– Этот разговор затянулся. Я хочу знать, что ты собираешься делать дальше.

– Телефона здесь нет, поэтому я собирался сбежать в деревню, чтобы привести врача и полицию. Но если ты собираешься сказать им, что я убийца, я окажусь в затруднительном положении, не так ли?

– О полиции можно побеспокоиться и позже. Сейчас я хочу убедиться, что если опущу нож, то не закончу свои дни на кровати рядом с Банни. Почему ты его убил?

– Я его не убивал.

– Тогда кто?

– Наверное, кто-то вломился в дом и убил его.

– Зачем?

– Откуда мне знать?

Она села.

– Слушай, я окажу тебе услугу. Я могу представить, что у тебя были основания сделать это. Банни порой бывал настоящим чудовищем и сумасбродом. Мы оба это знаем. Может, через какое-то время я даже смогу простить тебя. Но если ты хочешь, чтобы я врала ради тебя, перестань испытывать мое терпение. Почему сейчас? И таким образом?

– Меган, это безумие.

Генри прикрыл глаза. Все окна и двери были закрыты, и жара становилась нестерпимой. Чувство было такое, будто они с Меган – два застывших в формалине экспоната под чьим-то изучающим взглядом.

– То есть ты продолжаешь настаивать, что невиновен? Боже, Генри, мы это уже проходили. Ты предстал перед судом, и тебе вынесли приговор присяжные – двенадцать горшков с цветами, что стоят в холле. Ты находился здесь все это время. Что тут еще добавить?

Он уронил голову на руки.

– Дай мне немного подумать. – Его губы беззвучно двигались, пока он перебирал обвинения. – Из-за тебя у меня разболелась голова.

Он наклонился, поднял с пола гитару и принялся бестолково брэнчать на пяти оставшихся струнах.

– Может, убийца спрятался наверху, когда мы вернулись с ланча? – Лоб Генри покрылся испариной. – Уйти он никак не мог. Если только не сразу, как мы вошли. Вообще-то... Вообще-то, мне кажется, я понял, что случилось.

Он снова поднялся.

– Меган, мне кажется, теперь я знаю, что произошло.

Она подняла на него взгляд и вопросительно кивнула.

– Меган, ты маленький паук, – сказал он. – Маленькая коварная змея. Это ты его убила. Обвинение явно не впечатлило Меган.

– Что за нелепость.

– Я вижу, ты все учла. Вот они мы, двое подозреваемых, у обоих были одинаковые возможности и мотив, вполне очевидный. От тебя требуется только одно – все отрицать, и тогда всю вину свалят на меня. Таким образом, весь вопрос в том, кто из нас лучший актер, и мы оба знаем ответ на этот вопрос.

– Как я уже отметила, Генри, ты сидел здесь весь день, охраняя свою добычу. Как я могла это сделать?

– Нет нужды вешать на меня обвинения и подделывать доказательства, если можно просто все отрицать, пока в горле не пересохнет. Ты давно это запланировала, да? Когда сюда явится полиция, они найдут двух иностранцев и труп. Двое подозреваемых: я, растерянный и на нервах, пытаюсь убедить всех в том, что кто-то мог вверх ногами проползти по потолку, чтобы незамеченным подняться по лестнице, и ты – полностью владеешь собой и все отрицаешь. Английская роза против мужлана. Мы оба знаем, кому они поверят, да и как я смогу убедить их в обратном? В этой проклятой стране я даже кофе заказать не могу.

– Такова твоя версия, да? И как же я могла проскочить мимо тебя, Генри? По потолку, как ты и предположил? Или за последние двадцать секунд ты придумал что-то поубедительней?

– Неправильный вопрос. Мне не нужно ничего придумывать. – Генри встал и подошел к окну, он больше ее не боялся. – Окна и двери наверху надежно заперты, это правда. А эта лестница – единственный путь наверх. И с тех пор как мы пришли с ланча и Банни поднялся в спальню, я действительно все время сидел здесь. Я даже в туалет не выходил. Но правда и то, что, когда мы вернулись, я пошел ополоснуть лицо, потому что был весь взмокший и пыльный с дороги. А ты осталась сидеть здесь одна. Когда я вернулся, ты была на том же месте. У меня ушло около десяти минут, чтобы умыться лицо, шею и руки, я сделал все так быстро, что почти забыл об этом. А сколько времени нужно, чтобы вонзить человеку нож в спину?

– Это было давно.

– Прошло всего три часа. А сколько он мертв, как ты думаешь? Там кровь по всему коридору.

– Он отправился к себе, едва мы пришли. Он даже уснуть не успел бы.

– Да, но он был настолько пьян, что это не имело значения. Едва упав лицом в подушку, он стал абсолютно беззащитным.

– Вот, значит, как? Обвиняешь меня в убийстве?

Генри улыбнулся, гордый своей логикой:

– Именно так.

– Ты жалкий злорадствующий идиот. Он умер, а ты тут хочешь в игры играть? Я знаю, что это был ты. Чего ты добиваешься?

– Могу спросить тебя о том же.

Меган умолкла и задумалась. Рука, в которой она держала нож, расслабилась. Генри смотрел в окно, сквозь тусклое стекло виднелся ореол красных холмов. Он провоцировал ее, демонстрируя полное отсутствие страха, – так он показывал, кто теперь владеет ситуацией.

– Я знаю, что у тебя на уме, – сказала она. – Теперь я поняла. Это вопрос репутации, не так ли? Я актриса, и скандал вроде этого погубит меня. Малейшее подозрение – и мое доброе имя будет уничтожено. Ты думаешь, что я больше пострадаю и поэтому должна сотрудничать?

Он повернулся, его силуэт был очерчен ярким дневным светом.

– Думаешь, все дело в твоей репутации? Мир не всегда вращается вокруг твоей карьеры, Меган.

Она закусила нижнюю губу.

– Нет, ты вряд ли признаешься, так ведь? Сначала ты продемонстрируешь свое упрямство. И что дальше? Убедив меня, что я проиграю, что моя карьера будет разрушена, если я не буду сотрудничать, ты предложишь свой план действий? Ты сочинишь какую-нибудь историю и потребуешь, чтобы я ее подтвердила? Если таков твой план, лучше сразу скажи мне правду.

Он вздохнул и покачал головой.

– Не знаю, зачем ты продолжаешь повторять все это. Я же уже объяснил обстоятельства преступления. Но даже лучший детектив бессилён перед лицом прямого отрицания. Я могу только напрасно рвать на себе волосы, вот и все, но не думаю, что лысина будет мне к лицу.

Меган уставилась на него. С минуту оба молчали. В конце концов она положила нож на стол рядом, подальше от него.

– Отлично, – произнесла она. – Бери свою гитару и играй дальше. Я обвиняю тебя, ты – меня, это замкнутый круг. Но если ты думаешь, что я из тех женщин, которых можно сломать и внушить, что небо зеленое, потому что так сказал мужчина, ты меня недооцениваешь.

– А если ты считаешь, что достаточно просто выставить ножку и похлопать ресницами, чтобы я запел соловьем, ты слишком высокого мнения о своих чарах.

– Ах вот как, – Меган моргнула, – я думала, ты все еще любишь меня?

Генри сел в кресло напротив нее.

– Люблю, и именно поэтому ситуация сводит меня с ума. Я прошу тебе все, если ты признаешься, что убила его.

– Тогда давай обсудим кое-что, о чем мы никогда не говорили. – Она снова взяла нож, и на мгновение в его глазах промелькнул настоящий страх. – У тебя есть темная сторона, Генри. Я видела тебя пьяным, видела, как ты дерешься с незнакомцами, потому что тебе не понравилось, как они на меня смотрели. Я видела, как ты ругаешься, вопишь и бьешь стаканы. Все это ты тоже будешь отрицать?

Он смотрел в пол.

– Нет, но все это было очень давно.

– А ты когда-нибудь видел, чтобы я себя так вела?

– Может, и нет, но ты способна на жестокость.

– Острый язык еще никого не убивал.

Он пожал плечами.

– Ладно, я вспыльчив. Ты поэтому не вышла за меня?

– Не совсем, но эта черта явно была не в твою пользу.

– Я много пил тогда.

– Ты и сегодня за ланчем много пил.

– Не так много. Не как раньше.

– Но и этого было достаточно.

Генри вздохнул.

– Если бы я хотел убить Банни, я бы нашел способ получше.

– Генри, я знаю, что это был ты. Мы оба это знаем. В чем именно ты пытаешься меня убедить? Что я схожу с ума?

– Я ведь могу сказать то же самое, так ведь?

– Нет, не можешь. – Она взяла нож и воткнула его в ручку своего кресла – он прошел сквозь обивку и застрял в дереве. – Из Банни наверху капает, как из крана, а мы сидим и спорим. Что подумает полиция, когда узнает, чем мы тут занимались весь день?

– Это какой-то кошмарный сон.

Меган закатила глаза.

– Очередная дешевая метафора.

– Ну что ж, если мы собираемся провести так весь день, я бы хотел сидеть с бокалом в руках. Не хочешь присоединиться?

– Ты ненормальный, – сказала она.

И он налил себе виски.

В следующие полчаса ничего не изменилось. Они несколько раз обсудили ситуацию, но так ни к чему и не пришли.

Генри допил виски. Он держал пустой бокал перед глазами, глядя сквозь него на искаженную пустынную комнату и двигая рукой из стороны в сторону. Меган наблюдала за ним, гадая, как он мог так легко отвлечься.

Генри посмотрел на нее.

– Я налью себе еще виски, но на этом все. Присоединишься?

Двери и окна по-прежнему были заперты, и в комнате стояла ужасная духота. Находиться в ней было сродни наказанию, которое они сами себе избрали.

Она кивнула.

– Я выпью с тобой.

Генри хмыкнул и подошел к шкафу. Он наполнил два больших бокала из высокого графина с виски. Конечно, оно было теплым. Он взял один бокал, ритмично покрутил им, а второй протянул ей. Ее глаза расширились при виде размеров бокала, наполненного на две трети.

– Это последний, – пообещал он.

– Нам нужно обговорить, что делать дальше, – начала Меган, – раз уж никто из нас не собирается признаваться. Нужно ли вообще привлекать полицию? Никто не знает, что мы здесь. Может, мы просто уйдем, когда стемнеет?

Генри молча отпил из своего бокала. Так они просидели несколько минут. Меган заслонила бокал рукой. Наконец поднесла его ко рту, она помедлила, прежде чем отпить.

– Откуда мне знать, что виски не отравлено?

– Можем поменяться бокалами, – предложил он.

Меган пожалала плечами. Разговор, похоже, не стоил усилий. Она сделала крошечный глоток.

– На вкус ничего, – прокомментировала она, он молча уставился на нее, и ей стало не по себе. – С другой стороны, чтобы избежать сомнений...

Генри вздохнул и протянул ей бокал. Она взяла его и отдала ему свой.

Измученный, он откинулся на спинку кресла и поднял бокал.

– За Банни.

– За Банни.

Виски было оранжевым и обжигающим, как надвигающийся закат. Генри опять поднял гитару и заиграл ту же нескладную мелодию, что и раньше.

– Мы вернулись к тому, с чего начали, – снова вздохнул он.

– Как я уже сказала, нам нужно обсудить, что будет дальше.

– Ты хочешь, чтобы я согласился просто сбежать вместе и притвориться, что нас здесь никогда не было? Как в прошлый раз? Ты так и планировала с самого начала?

– Почему ты так поступаешь со мной? – Меган поставила бокал и покачала головой. – Из-за того, что я отменила нашу помолвку? Но это было так давно.

Время от времени Генри потягивал виски, чтобы сделать паузу в разговоре, но, прежде чем ответить на этот вопрос, он, помедлив, закурил

– Я повторяю, Меган. Я все еще люблю тебя.

– Приятно знать. – Она выжидающе посмотрела на него. – Ты уже чувствуешь, как у тебя кружится голова, Генри?

В недоумении он посмотрел сначала на нее, затем на свой бокал. Тот был почти пуст, но на дне еще оставался глоток. Он потянулся к нему и обнаружил, что почти не может пошевелить левым плечом. Неуклюже дернувшись, его бесформенная рука опрокинула бокал на пол, и он разбился, образовав коричневый круг на белой плитке. Генри снова посмотрел на Меган.

– Что ты сделала?

Сигарета выпала у него изо рта и провалилась внутрь гитары, оставив за собой спираль дыма, поднимающегося между струнами. Лицо Меган не выражало никаких эмоций, лишь тень беспокойства.

– Меган.

Половина его тела окоченела, и он вывалился из кресла. Гитара отлетела в сторону. Он лежал ничком на белом полу, судорожно дергаясь. Слюна стекала на плитку рядом с его подбородком.

– В этом вся суть лжи, Генри. – Она встала с кресла, нависая над ним. – Однажды начав, уже невозможно остановиться. Куда бы ни вела эта дорога, приходится идти по ней до конца.

Первая беседа

Джулия Харт читала вслух почти целый час, и теперь в горле у нее скребло так, будто она наглotalась песка. «В этом вся суть лжи, Генри. – Она встала с кресла, нависая над ним. – Однажды начав, уже невозможно остановиться. Куда бы ни вела эта дорога, приходится идти по ней до конца».

Грант Макаллистер сидел рядом и напряженно слушал. Рассказ, который только что прочла Джулия, он написал более четверти века назад.

– Итак, – сказал он, когда понял, что она закончила, – что вы об этом думаете?

Она опустила рукопись так, чтобы ему не были видны ее заметки на полях.

– Мне нравится. До последнего абзаца я твердо была на стороне Меган.

По ее голосу он понял, что у нее пересохло в горле, и встал.

– Хотите еще стакан воды?

Она благодарно кивнула.

– Простите, – сказал он, – вы мой первый гость за много лет.

Его коттедж расположился наверху невысокого песчаного склона, который начинался сразу от пляжа. Последний час или около того, пока Джулия читала ему рассказ, они провели на широкой веранде, сидя в деревянных креслах. Оставив ее одну, Грант исчез внутри дома.

С моря дул прохладный ветер, но жар от солнца был невыносим.

Утром она прошла от своего отеля до его коттеджа – пятнадцать минут по раскаленной средиземноморской жаре – и почувствовала, что лоб уже слегка обгорел.

– Вот. – Грант вернулся с грубым глиняным кувшином и поставил его на стол между ними.

Она наполнила стакан и выпила.

– То, что нужно, спасибо.

Он снова сел.

– Насколько я понял, вы думали, что Меган невинна?

– Не совсем. – Она сделала еще один большой глоток и покачала головой. – Просто я сочувствовала ей. Я знала достаточно мужчин, подобных Генри, слабых и полных жалости к себе.

Грант кивнул и постучал по подлокотнику.

– У Меган есть свои недостатки.

– О да, – Джулия улыбнулась, – она убийца, не так ли?

– По своему характеру она кажется мне, – он тщательно подбирая слова, – не заслуживающей доверия. Она с самого начала вызывает подозрения.

Джулия пожала плечами.

– Мы же не знаем, что с ними случилось в Оксфорде. – Она достала блокнот и пристроила его на коленях, держа ручку другой рукой. – Когда вы в последний раз читали этот рассказ?

– До того, как я поселился здесь. Как вам известно, у меня нет ни одного экземпляра этой книги. – Грант медленно покачал головой. – Наверное, лет двадцать назад. Чувствую себя глубоким стариком.

Он налил немного воды в свой стакан. В первый раз за все утро она увидела, как он пьет. На пляже лежала выцветшая деревянная шляпка, похожая на кокон, оставленный гигантским насекомым. «Может быть, он выполз оттуда, – подумала она и улыбнулась этой мысли. – Невосприимчивое к жаре инопланетное существо, которому не нужно пить и есть».

– И что дальше? – спросил он. – Боюсь, я ни разу не имел дела с редактурой книги. Мы пройдем ее строка за строкой?

– Это заняло бы много времени. – Она полистала рукопись. – Текст практически не нуждается в правке. Разве что в нескольких местах фразы можно было бы сделать покороче.

– Понятно. – Он сдвинул шляпу назад и вытер лоб носовым платком.

– Я заметила некоторые нестыковки в описании дома. Полагаю, это было сделано намеренно?

Он на мгновение замер, а затем повесил носовой платок на ручку кресла, чтобы тот подсох на ветру.

– Какие нестыковки?

– Ничего серьезного, – ответила Джулия. – Например, планировка комнат. – Она посмотрела на него, и он жестом попросил ее продолжать. – В описании комнаты, где лежит труп, указано, что окно выходит на теневую сторону, но дальше написано, что нож отбрасывает тень. – Грант, склонив голову набок, смотрел на нее без выражения. – Так окно находится в тени или в него светит солнце?

Он поднял подбородок, обозначив, что понял вопрос, и втянул воздух.

– Любопытно. Возможно, я допустил ошибку.

– А коридоры на двух этажах, кажется, расходятся в разных направлениях. В какой-то момент мы видим Генри сидящим в кресле так, что лестница слева от него, а коридор идет в направлении его взгляда. Но затем лестничный пролет снова поворачивает влево, потом еще несколько ступенек вверх, и начинается коридор. Получается, что верхний этаж располагается не над нижним.

Его глаза двигались по мере того, как он представлял себе виллу. Она продолжила:

– Теперь солнце. Вроде бы оно садится, хотя дело происходит летом всего через несколько часов после ланча.

Он тихо рассмеялся.

– Вы очень внимательный читатель.

– Боюсь, я ужасный перфекционист.

– Но вы решили, что эти ошибки были сделаны специально?

– Прощу прощения, если это не так. – Она немного смутилась и поерзала в кресле. – Просто большинство этих деталей казались чужеродными в тексте. Будто их вставили туда специально, только для того, чтобы появились эти нестыковки.

Он снова вытер лоб.

– Я весьма впечатлен, Джулия. – Он коснулся ее руки. – И вы совершенно правы. Я добавлял нестыковки в свои рассказы, чтобы проверить, смогу ли я вернуть их так, чтобы читатель не заметил. Это была такая игра. Вздорная привычка. Я впечатлен, что вы заметили это.

– Спасибо, – сказала она слегка неуверенно и помолчала минутку, сверяясь со своими записями. – Еще я подумала, что, учитывая повторяющиеся упоминания жары и красного пейзажа, этот рассказ как бы изображает Генри в аду. Это не так?

– Интересная теория. – Грант помедлил. – Почему у вас сложилось такое впечатление?

Джулия провела пальцем по заметкам, сделанным вверху страницы.

– Сведенборг описывает ад как место, в котором обычные законы пространства и времени не работают. Этим могло бы объясняться невозможное расположение объектов и странности хронологии. Когда в окне появляется лицо Меган, сияние ее силуэта названо демоническим. А в первой фразе, которую Меган произносит в рассказе, вполне недвусмысленно заявлено: «Это ад». Есть даже цитата из Мильтона, когда Генри обыскивает дом.

Грант поднял руки, изображая капитуляцию.

– Опять-таки тонко подмечено. Вероятно, вы правы. Должно быть, я думал об этом подсознательно, когда писал рассказ. Но это было так давно, что я не могу утверждать этого наверняка.

– Что ж, если мы считаем, что это намеренные неточности, – она вернулась к исходной теме разговора, – тогда в самом рассказе я почти ничего не хочу менять.

Он снял свою белую шляпу и повертел ее в руках.

– Тогда позвольте мне объяснить, как все это связано с моей математической работой. Ведь это главная причина, по которой вы здесь, не так ли?

– Это может быть весьма полезно, – ответила Джулия.

Грант откинулся на спинку кресла, пощипал себя за подбородок, раздумывая, с чего лучше начать.

– Эти рассказы возникли в качестве иллюстрации к научной работе, которую я написал в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, исследуя математическую структуру детективных историй, в которых расследуется убийство. Я назвал ее «Комбинаторика детектива». Она была опубликована в небольшом журнале «Математический досуг». Реакция последовала положительная, хотя работа получилась довольно скромная. Но детективные истории были очень популярны в то время.

– Да, – согласилась Джулия. – Это был, как сейчас говорят, золотой век детектива. А вы в то время преподавали математику в Эдинбургском университете?

– Правильно. – Он улыбнулся ей. – Целью моего исследования было дать математическое определение детективной истории, в ходе которой раскрывается тайна убийства. Вообще говоря, я думаю, мне это удалось.

– Но как? Как вам удалось использовать математику, чтобы определить понятие из литературы?

– Резонный вопрос. Но я подхожу к этому немного по-другому. В моей работе я определил математический объект, который назвал «детективная история», таким образом, чтобы его структурные свойства как можно точнее отражали структуру детективных рассказов. Это определение позволило мне математически задать границы детективных историй и затем применить мои находки в литературе. Так, например, мы можем сказать, что детективная история должна удовлетворять некоторому набору требований, чтобы считаться таковой согласно определению. А затем мы можем применить эти выкладки к реальным рассказам. Улавливаете смысл?

– Думаю, да. Некоторые писатели составили списки правил создания детектива – в целом это похоже на такой список?

– Да, некоторое совпадение есть. Но с помощью нашего определения мы можем рассмотреть каждую отдельную структуру, которая действительно может считаться детективной историей. Я смог перечислить все возможные варианты таких структур, что невозможно сделать, имея только список правил или «заповедей», как у Нокса².

– Это и есть так называемая комбинаторика детектива?

– Именно! Этот термин я вынес в заголовок статьи.

Опубликованная в качестве исследовательской работы, «Комбинаторика детектива» также вышла как приложение к книге, которую написал Грант. В ней было семь детективных рассказов, он назвал ее «Белые убийства» и опубликовал в частном порядке в начале 1940-х тиражом менее ста экземпляров.

Джулия связалась с ним от имени небольшого издательского дома «Печать смерти». Она написала ему, что работает в нем редактором, и что ее работодателю, Виктору Леонидасу, недавно в коробке со старыми книгами попался экземпляр «Белых убийств», и он решил опубликовать этот сборник для более широкой аудитории. После недолгой переписки Джулия отправилась на встречу с неуловимым автором – пожилым мужчиной, живущим в полном одиночестве на небольшом острове в Средиземном море, – чтобы уточнить некоторые детали и

---

² Речь идет о «Десяти заповедях детективного романа» Рональда Нокса.

подготовить рассказы к публикации. Они с Грантом пришли к соглашению, что не стоит включать в книгу «Комбинаторику детектива» как приложение: вместо этого Джулия напишет предисловие к семи рассказам – с той же целью, раскрывая те же идеи, но в более доступном для широкой аудитории формате.

– Так этих вариантов должно быть ужасно много?

– Строго говоря, бесконечно много, но их можно разбить на небольшое количество архетипов. Фактически основные структуры можно пересчитать по пальцам. Эти рассказы, включая тот, что мы только что прочитали, были написаны как раз для того, чтобы проиллюстрировать самые главные из них.

– Можете объяснить как?

– Да, – ответил Грант, – думаю, да. Математическое определение простое. Боюсь, простое до разочарования. По сути, в нем заданы четыре компоненты, составляющие детективную историю, и некоторые условия, применимые к каждой из них.

– Четыре компоненты, – записала Джулия.

– Они необходимы и достаточны, то есть любой объект, в котором присутствуют эти компоненты, является детективной историей, и каждая детективная история должна содержать их. Мы по очереди рассмотрим каждую компоненту.

– Звучит разумно.

– Итак, – Грант наклонился к ней, – первая компонента – это группа подозреваемых: персонажи, которые могут быть, а могут и не быть ответственны за убийство. В детективной истории редко бывает больше двадцати подозреваемых, но мы не устанавливаем верхнего предела для допустимого количества. Если у вас имеется детективная история, в которой пятьсот подозреваемых, ничто не мешает существовать детективной истории, в которой пятьсот один подозреваемый. Но этот аргумент не применим к нижнему пределу. Поскольку здесь по меньшей мере невозможны отрицательные значения. Поэтому позвольте спросить: если бы вам было поручено задать базовые характеристики детективной истории, какое минимальное количество подозреваемых вам бы потребовалось, чтобы все сработало?

Джулия немного подумала.

– Напрашивается ответ «четыре или пять», поскольку сложно припомнить детективы, в которых подозреваемых меньше. Но, вероятно, вы скажете, что правильный ответ – два.

– Совершенно верно. Если у вас есть двое подозреваемых и читатель не знает, кто из них убийца, перед вами детективная история. Двое подозреваемых дают ту же необходимую структуру, как и любое другое количество.

– Возможно, это немного ограничивает выбор персонажей и антуража?

– Но, как мы только что видели, такая конструкция вполне возможна. Так что первая компонента – это группа, состоящая по меньшей мере из двух подозреваемых. И хотя обычно в детективах подозреваемых не меньше трех, в случае с двумя есть своя прелесть.

Джулия делала заметки в блокноте. Грант ждал, пока она закончит. Ее вспотевшая ладонь отпечаталась на бумаге, испещренной красной ручкой.

– Продолжайте, – попросила она.

– Логика проста. Если имеется ровно двое подозреваемых, они оба знают, кто убийца. Это перестает быть верным в том случае, когда подозреваемых не менее трех. Тогда только сам убийца знает наверняка, кто убийца. Но в случае с двумя подозреваемыми невиновный может вычислить убийцу простым исключением: я знаю, что я невиновен, следовательно, виновен другой. И тогда только читатель не знает правду. Вот почему я придаю особенное значение детективной истории с двумя подозреваемыми.

– И поэтому вы написали этот рассказ?

– Генри и Меган оба знают, кто из них виновен. А мы знаем, что они знают. Однако оба отрицают свою вину. Эта идея меня увлекла.

Джулия кивнула и записала это. Пока что все было довольно просто.

– Спасибо, это было очень полезно. – Она выпила еще воды и открыла чистую страницу. – Мне хотелось бы включить в предисловие немного биографической информации. Хотя бы несколько предложений про автора. Где вы родились и так далее. Как вам эта идея?

– Кажется, это выставит меня несколько самовлюбленным? – Было видно, что Гранту неловко.

– Вовсе нет. Мы так работаем со всеми авторами. Просто пара интересных фактов. Ваши читатели захотят знать, кто вы.

– Понимаю, – сказал Грант. Он подался вперед, обмахиваясь шляпой. Потом посмотрел на руку, в которой была зажата шляпа, будто впервые увидел ее, и движения прекратились. – Не уверен, что смогу рассказать вам что-нибудь интересное. Я прожил обыкновенную жизнь.

Джулия откашлялась.

– Грант, – она отложила ручку и блокнот, – вы были профессором математики. Словно из ниоткуда появилась ваша единственная книга с детективными рассказами, но за всю жизнь вы больше ничего не опубликовали. Сейчас вы живете один на острове за тысячи миль от места, где родились, практически в полном уединении. Большинству людей это покажется ужасно интригующим. Наверняка за этим кроется какая-то история?

Он немного помедлил, прежде чем ответить.

– Ничего такого, просто война. Я служил в Северной Африке. И когда все закончилось, я уже не смог вернуться к нормальной жизни. Но это не редкость для мужчин моего поколения. У меня не было никаких обязательств, поэтому я смог уехать и жить здесь.

Джулия сделала пометку в блокноте.

– Простите, что касаюсь личного, но когда Виктор попросил меня отыскать вас, я написала на факультет математики в Эдинбургский университет. Я пообщалась с одним из ваших бывших коллег, профессором Дэниелсом. Он вспомнил вас и рассказал, что вы были женаты.

Грант поморщился.

– Да, верно. Но это было очень давно.

– И что вы уехали на остров довольно неожиданно, словно в какой-то спешке. Должна же быть причина, по которой вы выбрали это место. Здесь очень красиво, но странно оставаться здесь до конца своих дней.

Он отвернулся от нее и посмотрел на море.

– Я просто хотел оказаться подальше от моей прошлой жизни, вот и все.

– Но почему? Что-то случилось?

– Я предпочел бы не вдаваться в объяснения, тем более на страницах книги.

– Если информация окажется слишком личной, мы можем не включать ее в предисловие. Но я не смогу помочь вам принять это решение, если вы не расскажете мне правду.

Лицо Гранта посуровело.

– Я не просил вашей помощи.

– Что ж, – Джулия выдержала паузу, – тогда, пожалуй, я опишу вас как непонятого художника, живущего вдали от мира. Это всегда звучит романтично.

Грант кивнул, слегка смущенный собственной неучтивостью.

– Я живу один на острове, и все мои занятия – математика и рыбалка.

– Спасибо за познавательную беседу. – Джулия закрыла блокнот. – Я пыталась связаться с вашей женой, но не смогла найти ее. Впрочем, в итоге это и не понадобилось. Профессор Дэниелс дал адрес, который вы ему оставили, уезжая на этот остров. Несмотря на то что прошло двадцать лет, мое письмо добралось до вас. А у вас есть другие родственники?

Он снова начал обмахиваться шляпой.

– Простите, я очень устал. Беседа оказалась более насыщенной, чем я ожидал. Пожалуй-ста, давайте сделаем перерыв?

Джулия улыбнулась. Впереди было достаточно времени.
– Конечно, – согласилась она.
И Грант надел шляпу.

[02] Смерть на морском побережье

Мистер Уинстон Браун в поношенном сизоватом костюме сидел на зеленой скамье, задумчиво глядя на море. Его руки в перчатках покоились на набалдашнике деревянной трости, прямо под подбородком, а над редующим полумесяцем волос громоздился черный котелок. Его лицо являло собой почти идеальный розовый круг – словно нарисованное ребенком, – однако остальное казалось сбитым из одних темно-серых прямоугольников.

Рядом с ним, опустив на тротуар тяжелую сумку с продуктами, села женщина. Наглая чайка повернула голову и, переваливаясь, двинулась в их сторону, однако резкий стук трости мистера Брауна заставил ее засеменить в противоположном направлении.

Он повернулся к своей соседке.

– Я всегда говорил, что чайки и белки – разбойники животного царства. У них есть что-то такое во взгляде.

Женщина неохотно кивнула: она села сюда не для того, чтобы заводить разговор.

– Скажите, – продолжил мистер Браун, простодушно улыбаясь, – вы живете в этом прелестном уголке?

Беседа происходила в Чеверетте, живописном городке на южном побережье. Было раннее утро, солнце только-только поднялось над водой и осветило небольшую гавань и горстку домиков, гирляндой рассыпанных по берегу округлой бухты.

– Да, – коротко ответила она. – Всю свою жизнь.

Он снял шляпу и повесил ее на колено.

– Тогда, быть может, вы что-нибудь расскажете мне об убийстве, которое здесь произошло? Кажется, с неделю назад?

Непроизвольно приоткрыв рот, она подалась вперед. Мистер Браун узнал в ней родственную душу – охотницу за сплетнями.

– Четыре дня назад, – произнесла она громким шепотом, который звучал ничуть не тише ее обычного голоса. – Это было во всех газетах. Молодой человек столкнул женщину с утеса. Он, конечно, утверждает, что это был несчастный случай. Но он лжет. Его зовут Гордон Фойл, вон там его дом – крайний слева, белый.

Она указала на дальний конец города – туда, где дома внезапно редели, а берег разделялся на тощую полоску пляжа и нависавшую над ней скалистую громаду. Там, почти на вершине холма, стояло пузатое белое здание – последнее доступное взгляду обиталище.

Мистер Браун, подняв трость одной рукой, злобещим жестом наставил ее на противоположный берег бухты. Подобно мачте громоотвода, она, казалось, служила напоминанием о возможной буре.

– Вон тот дом? Выглядит безобидно.

– Это коттедж «Белый камень», он прожил там всю жизнь. Хотя по-настоящему его никто из здешних не знает. Очень замкнутый молодой человек.

– Как интересно. – Мистер Браун сдвинул свои круглые очки к переносице. – И вы считаете, что он виновен?

Она огляделась по сторонам – удостовериться, что их никто не услышит.

– Все так считают. Жертву прекрасно знали в городе, это миссис Ванесса Аллен. Она знала эти скалы как свои пять пальцев. Невозможно себе представить, чтобы она упала сама – только если ее столкнули.

– Значит, они были знакомы? Жертва и подозреваемый?

– Они были соседями, если можно так сказать. Она жила в следующем доме на утесе, отсюда его не видно. Там есть тропинка, она идет мимо его дома, потом над скалами и выводит

к ярко-желтому коттеджу, всего минут пять ходьбы. В нем-то она и жила вместе с дочерью Дженнифер.

– И что же толкнуло его на убийство?

– Все очень просто, – охотно ответила женщина, от ее прежней сдержанности не осталось и следа. – Он хочет жениться на Дженнифер. Но миссис Аллен никогда его не любила и была настроена против. Так что ему надо было от нее избавиться, вот и все. Четыре дня назад они повстречались на тропинке. Миссис Аллен шла в город, а он – ей навстречу. Проходя мимо нее, он понял: вот он, шанс, – и столкнул ее с обрыва, а потом заявил, что она оступилась. Идеальное убийство, если подумать. Ни одного свидетеля, разве что море.

Улыбнувшись ее убежденности, мистер Браун откинулся на спинку скамьи – очевидно, эта неприглядная история пришлась ему по вкусу, – а затем дважды стукнул тростью о землю, будто расставив знаки препинания.

– На самых невинных картинах можно отыскать темные пятна, – сказал он, – смотря как ляжет свет.

Она кивнула.

– И дом у него в самом дальнем уголке города.

– Где он ждал, словно паук, приросший к белой паутине. Но пауки часто бывают безобидны, несмотря на свой жуткий вид. Быть может, молодого человека просто неверно поняли?

– Чепуха, – буркнула она с неожиданным негодованием.

– То есть вы уверены, что это не мог быть несчастный случай?

Женщина пожала плечами:

– В этом городе не так часто что-то случается.

Мистер Браун встал, вновь водрузил на голову шляпу и приподнял ее в знак прощания. Женщина удивленно ахнула: он выглядел невысоким, пока сидел, хотя на самом деле в нем было не меньше шести футов.

– Благодарю вас, дорогая, за чрезвычайно интересную беседу. Будем надеяться, что дело в скором времени разрешится. Прекрасного дня.

И он зашагал в сторону белого дома на холме.

Вообще-то днем раньше, когда они с Гордоном Фойлом сидели за небольшим столом в местном полицейском участке, тот показался мистеру Брауну весьма приятным и доброжелательным.

В голубых глазах молодого человека читалась мольба.

– Меня повесят. – Между ними лежал лист бумаги и карандаш. Движения Гордона Фойла были тяжелы и неспешны, отчасти в силу характера, отчасти потому, что его руки были прикованы к столу. Он расправил бумагу и принялся рисовать. – Мне страшно.

– Почему вы считаете, что вас повесят?

Гордон, не отрываясь от своего занятия, ответил:

– Дело в том, что я всегда жил сам по себе. Возможно, это звучит эгоистично, но на самом деле мне просто тяжело сходиться с людьми.

– Тем не менее следствию понадобятся доказательства.

– Вы так считаете?

В комнате воцарилось неловкое молчание. Мистер Браун тщательно подбирал слова.

– Если вы невиновны, нет причин терять надежду.

Гордон досадливо махнул правой рукой. Цепь обрушилась со стола металлическим каскадом.

– Знаете ли, вообще-то свидетели есть. – Теперь молодой человек смотрел на мистера Брауна в упор. Он развернул листок бумаги к своему собеседнику: там была изображена яхта, она скользила по морю, отчерченному ровной линией. – Лодка, примерно в двухстах ярдах

от берега. Красного цвета. Вот так она выглядела. Она была далеко, и я не смог разобрать название, но, если найдете тех, кто был на борту, они наверняка все видели.

Мистер Браун закрыл глаза, будто заранее готовясь к худшему.

– Но только в том случае, если кто-то смотрел в вашу сторону.

– Пожалуйста, мистер Браун. Вы должны попытаться.

– В этом преступлении всего одна необычная деталь – та хладнокровная жестокость, с которой его совершили. Тихий молодой человек убивает мать женщины, которую любит, и делает это одним легким толчком.

После похода в полицейский участок мистера Брауна ждала встреча со старым приятелем, инспектором Уайлдом. Они обсуждали дело, попивая херес в баре отеля, где остановился мистер Браун.

– У нас нет ни одной настоящей улики, – продолжил инспектор. – Но о каких вообще доказательствах тут может идти речь? В этом смысле преступление идеально. Ни одного свидетеля, разве что птицы.

– Я бы сказал, что преступление, отводящее ему роль единственного подозреваемого, весьма далеко от идеала. Вы не согласны? Каким образом несчастный должен доказать свою невиновность? Людей вешали и при меньшем количестве улик, и вам не убедить меня, что сейчас подобного не произойдет.

Инспектор Уайлд двумя пальцами огладил свою остроконечную бородку и вскинул голову. Потом глубоко вздохнул.

– Я, черт возьми, очень надеюсь, что произойдет. Ежу понятно, что подлец виновен.

Мистер Браун поднял бокал.

– Что ж, тогда за пытливые, открытые новым идеям умы детективов нашей полиции.

Инспектор Уайлд сощурил свои зеленые глаза.

– Буду рад, если окажусь неправ. – И он осушил стакан одним глотком.

Они заказали поесть, и хозяин принес унылого вида сэндвичи, розоватые в отсвете красной лампы, висевшей на стене позади инспектора Уайлда.

– Значит, он живет один, – спросил мистер Браун, – наш друг Гордон Фойл?

– Довольно печальная история на самом деле. Понятно, как его занесло на кривую дорожку. Его родители погибли семь лет назад в автомобильной аварии. Но они оставили ему дом и кое-какие средства, так что туго ему не пришлось. Насколько я знаю, он ни дня в своей жизни не проработал.

– Должно быть, кто-то помогает ему по дому?

– Да, из города каждый день приезжает женщина. Он говорит, что так удобнее, чем селить прислугу у себя. Но та история случилась до того, как начался ее рабочий день, так что о его действиях мы знаем со слов дамы по фамилии Эпштейн, она живет по соседству.

– Ясно, – сказал мистер Браун. – И где я могу ее найти?

Коттедж «Белый камень» уютно, словно яйцо в гнездышке, расположился на опрятной зеленой лужайке, окруженной бурыми зарослями вереска и дрока. Сейчас он выглядел необитаемым: в комнатах было темно, тусклые окна, все до единого, выставляли напоказ грязно-белые складки штор, соблазнительно льнувшие к краю рамы.

Набалдашником трости мистер Браун сдвинул шляпу на затылок и окинул взглядом всю картину.

– Чистый лист, – пробормотал он.

Он продолжил свой путь и вскоре оказался у деревянной скамьи сразу за домом, где начиналась тропа. Оттуда открывался прелестный вид на море и город. На скамье спиной к нему сидела женщина. Он видел только густо-красную шаль, в которую она была закутана, и

ее длинные, седые, зачесанные назад волосы. У ее плеч порхали две помятого вида оранжевые бабочки.

Мистер Браун подошел ближе и снял шляпу.

– Прекрасный вид.

Неопределенно хмыкнув, женщина обернулась к нему.

– Вы из полиции, верно? Я редко ошибаюсь.

– Нет, к сожалению, я не полицейский.

Она кивнула.

– Значит, вы журналист?

– Я провожу собственное расследование как частное лицо.

У ее ног вился мохнатый коричневый песик.

– Все в полиции считают его виновным. И газеты тоже так думают. А мне он всегда нравился. Здешние люди так нетерпимы, когда дело касается одиночек. А вам какая позиция ближе?

– Только та, где я сейчас стою, миссис Эпштейн.

Она моргнула и с улыбкой спросила:

– Откуда вам известно мое имя?

– Оно написано на дневнике, который выглядывает из вашей сумочки.

– Вы очень наблюдательны.

– Надеюсь, что так. Именно поэтому я здесь. Если я правильно понял, вы были тут в день, когда погибла миссис Аллен?

– Я бываю тут каждый день, с девяти до половины десятого. Сажу здесь от одного боя часов до другого. Джейкоб огорчается, если мы не соблюдаем распорядок с точностью до минуты. – Она покровительственным жестом опустила руку на собачий загривок, будто щупала батарею, чтобы узнать, нагрелась ли она.

– И что вы можете рассказать мне о том дне?

– Я расскажу вам то же, что сказала полиции. В то утро было очень ветрено. Гордон вышел из дома около десяти минут десятого и направился вверх по тропинке. Минуты через три-четыре он прибежал обратно, крича что-то о несчастном случае. Не повторю его слов в точности, но он был жутко взбудоражен. Я зашла в дом вслед за ним, и мы вызвали полицию и врача.

– И вы ничего не слышали в то время, пока он отсутствовал?

– Совершенно ничего. Бедняжка был в ужасном состоянии.

– Спасибо, – сказал мистер Браун. У него больше не было вопросов. Он посмотрел на часы, те показывали пять минут десятого. – Желаю вам прекрасного дня.

Она смотрела, как он удаляется.

– Будьте осторожны! – крикнула она, указывая на землю.

Он уже и сам заметил целых три улики, изобличающие ее питомца: они напоминали пальцы на гниющей руке трупа, который пытается выбраться из могилы.

– Разумеется, – отозвался он и обошел опасность.

Тропинка начиналась за небольшой деревянной калиткой, запертой на висячий замок. На калитке красовалась потрепанная табличка: «Выход на тропу закрыт в целях общественной безопасности».

– Что ж, – сказал он себе, – думаю, для меня полиция сделает исключение. – И с легкостью перелез через препятствие.

Тонкая линия тропинки разделяла две непреодолимые стихии: слева тянулась густая кайма колючего дрока и нежного вереска – покачивая головками под дуновением легкого бриза, желтые и лиловые цветы разыгрывали нечто вроде кукольного спектакля о борьбе добра

и зла, – и так до самого края утеса, за которым, далеко внизу, поблескивала в лучах солнца океанская гладь. Справа же поднимался крутой склон ярдов пяти высотой, а над ним на заросшем гребне холма то тут, то там виднелись деревья.

Скалистый обрыв по левую руку был скрыт от мистера Брауна, но точно такой же можно было видеть в сотне ярдов впереди, где тропа сворачивала к морю. Там могучая громада белого камня, испещренная серыми крапинами, кое-где покрытая почти алыми пятнами, спускалась к яростно ощерившимся буграм черных скал. «Не самое удачное место для приземления», – подумал он.

Накануне он расспросил Уайлда о том, как выглядело тело миссис Аллен: шея была сломана, глаза заплыли и почернели. Из правой руки был выдран кусок плоти, четыре ребра, тоже справа, раздроблены ударом о камень, вероятно, подводный, поскольку следов крови нигде обнаружить не удалось.

Полицейским пришлось грести вдоль утеса на деревянной лодчонке и при помощи весла и сети вылавливать тело из воды.

– В защиту Фойла надо сказать, – заявил инспектор Уайлд, – что мы могли бы вовсе не найти ее, не подними он тревогу так быстро. Однако, если бы он не сделал этого, то навлек бы на себя подозрения, верно?

Мистер Браун шел по тропинке со всей возможной осторожностью. Покрытый кустарником край обрыва и затененный склон были усеяны всякой всячиной: рекламными проспектами, окурками, разнообразными продуктовыми обертками, – однако ему не удалось обнаружить ничего обличительного среди безмолвных обрывков нечитаемого мусора. А земля была слишком твердой, и следов на ней не осталось.

Тем не менее через каждые несколько ярдов он останавливался и тщательно осматривал тропу с обеих сторон, набалдашником трости то приподнимая, то надвигая на глаза шляпу, в зависимости от того, куда поворачивался – к молчаливой тени под откосом или к внезапно оглушающей синеве океана.

Пару минут спустя он набрел на небольшой темный камень необычной формы, лежащий прямо посреди тропы. Он наклонился, чтобы рассмотреть его, и покачал головой. Это был нетипично сухой кусок собачьих экскрементов. Ударом трости мистер Браун сбросил его в море и проследил, как тот несется навстречу своей гибели, а потом обернулся, взглядом ища миссис Эпштейн и размышляя, не гуляла ли ее собака по тропе в момент происшествия.

И только тут он осознал, как круто и при этом незаметно виляла тропа, начиная с того места, где он перелез через калитку. «Белый камень» скрылся из виду, а вместе с ним и миссис Эпштейн. Ни впереди, ни позади не было ничего достойного внимания. Эта часть тропы была совершенно отрезана от мира.

Место идеально подходило для убийства.

И все же свидетели имелись, как утверждал Гордон Фойл: та самая яхта.

– Любопытно, – произнес мистер Браун, покосившись на море.

Еще через сотню ярдов он заметил в зарослях вереска какой-то белый завиток: тот почти светился на фоне темной зелени. Он был запрятан довольно глубоко, и мистер Браун усомнился, что кто-нибудь мог это заметить, но сам-то он отличался почти сверхъестественной наблюдательностью и вполне заслужил ходившую о нем славу. Умело и с большим терпением орудуя тростью, он ухитрился намотать на ее конец кусок белой ткани. Потом он вытянул трость обратно.

Извлеченный им предмет оказался белым шарфом – как ленточный червь, вился он сквозь ветви вереска. Не снимая перчаток, мистер Браун пропустил бледную ткань между пальцами. Шарф явно принадлежал женщине и был недавно ношен. Крови на нем не было, однако на одном конце виднелся отпечаток – след, оставленный узким каблуком.

«Это многое объясняет», – подумал мистер Браун.

В день гибели на Ванессе Аллен был шарф – так сказала ее дочь. Но на теле его не нашли. Предполагалось, что его унесло в море.

Он сложил шарф в небольшой прямоугольник, убрал его в карман и вытер трость о траву.

Взяться за это дело ему предложила мисс Дженнифер Аллен. Она приехала к нему домой, в Лондон, спустя два дня после смерти матери.

– Говорят, вам удалось раскрыть несколько дел, с которыми не справилась полиция?

Ее глаза были все еще красны от слез, но при этом она производила впечатление очень спокойной и здравомыслящей девушки. Мистер Браун проводил ее в кабинет.

– Да, пару раз такое случалось. Чем я могу вам помочь?

Она изложила ему обстоятельства дела и поделилась собственной версией произошедшего. В то утро она завтракала дома, у окна, выходящего в палисадник. Ей была видна тропинка, и она смотрела, как ее мать идет по ней, борясь с порывами ветра.

– И это все, что я видела, пока не появился доктор. Спустя примерно полчаса. Чтобы сообщить мне новости.

– Сочувствую, – сказал мистер Браун. – Должно быть, вам сейчас очень нелегко.

Она рассматривала свои туфли.

– Бедный Гордон. Полиция, само собой, твердо настроена его повесить.

Мистер Браун кивнул.

– И вы надеетесь, что я докажу его невиновность?

Она коснулась серебряного медальона, висевшего у нее на шее, и сжала его в руке.

– Я не знаю, что мне делать, если его повесят.

Через несколько шагов мистер Браун вновь остановился. Кусты вереска слева от тропинки были явно повреждены: ветви, обычно упругие, были помяты и обломаны.

«Мы обнаружили следы борьбы, – так ему сказал инспектор Уайлд. – Он утверждает, что она шла по тропе впереди него. Он видел, как она оступилась и упала, и бросился сквозь заросли к краю обрыва – посмотреть, удалось ли ей спастись. Но все, что от нее осталось к тому моменту, – это брызги да обрывки одежды на камнях».

Концом трости мистер Браун приподнял одну из сломанных веток. «Воплощенная спешка, выполнено в зеленом цвете», – подумал он.

Еще через тридцать ярдов он достиг места, где, по словам Гордона Фойла, произошел несчастный случай. Скалистый обрыв подбирался здесь вплотную к тропе – годы эрозии сделали свое дело – и вгрызлся в нее полукругом, похожим на след укуса на печенье. Тропа по-прежнему была добрых три фута в ширину, но на ней было легко оступиться, если не соблюдать осторожность.

«Может, разгадка найдена? – Мистер Браун мысленно присвистнул. – Жертва отвлеклась – это ее и убило».

С осторожностью, переходящей границы разумного, он приблизился к провалу и склонился над ним, чтобы заглянуть вниз. Совершенно захваченный видом отвесного обрыва, он вцепился в трость, чтобы сохранить равновесие. Утес, подпиравший тропу, лишь немного расширялся книзу у самой воды, и у его основания скалились белозубые волны. Зрелище было поистине ужасающим.

Повернувшись к нему спиной, мистер Браун продолжил свой путь.

Последний участок тропы был ничем не примечателен. Вскоре, отклонившись от извилистой береговой линии, тропа устремилась вглубь берега. Деревья и заросли кустарника по обеим сторонам служили стенами для этого тихого, уединенного прохода. Свет здесь

казался зеленым даже в такой ослепительно-голубой день. Дальше тропа огибала ряд коттеджей пастельного цвета, когда-то выстроенных для сотрудников береговой охраны.

В первом из них, нежно-желтом, и жили миссис Аллен и ее дочь. Дом стоял чуть поодаль от тропы, посреди буйно цветущего сада. Полная противоположность обиталищу юного Гордона Фойла с его белыми стенами и безыскусным газоном. Входная дверь была выкрашена в насыщенный бордовый цвет.

Мистер Браун дважды постучал.

Ему открыла молодая женщина. Невысокая, волосы убраны в косу. Казалось, появление незнакомца чрезвычайно ее удивило.

– Могу я вам чем-то помочь, сэр?

Мистер Браун решил, что это, должно быть, горничная.

– Очень на это надеюсь. Могу ли я побеседовать с мисс Аллен?

Нахмурившись, она неуверенно оглянулась.

– Боюсь, мисс Дженнифер нет дома, сэр.

– Как некстати. Быть может, мне стоит подождать ее?

– Сожалею, сэр, но мисс Дженнифер вернется не скоро.

– Ясно. – Мистер Браун улыбнулся застенчивой девушке. Сняв перчатки, он извлек из внутреннего кармана сложенную карту и развернул ее. Тонкая бумага трепетала в его грубых руках. – Простите за назойливость, но не позволите ли зайти в прихожую и рассмотреть карту не на ветру? Никогда не мог как следует запомнить дорогу, мне бы хотелось разобраться, в какую сторону идти.

Она резко глотнула воздух, пораженная дерзостью просьбы, однако, робко кивнув, посторонилась.

– Прошу вас, сэр.

Улыбнувшись, он зашел в дом.

На туфли мистера Брауна кое-где налипла глина, и он аккуратно переступил с коврика на половину газетного листа, постеленную в углу рядом с парой грязных резиновых сапог. В этом положении он простоял с полминуты, вода мясистым большим пальцем вдоль старой береговой линии и делая вид, что изучает маршрут.

– Ах да. Наконец-то я понял, где я. Благодарю вас. Что ж, мне пора.

За одной из дверей, выходящих в прихожую, послышалось движение. От смущения горничная залилась краской. Дверь открылась, и на пороге появилась Дженнифер Аллен.

– Мистер Браун, – она бросила взгляд на горничную, – простите меня, я просила, чтобы меня не беспокоили. Я не ожидала, что вы зайдете.

– Вам не за что извиняться. Я занимаюсь расследованием, только и всего.

Подойдя ближе, она прошептала:

– Как оно продвигается?

– Мне многое нужно обдумать. – Он заметил, что она больше не носит медальон. – У вас появились сомнения?

– Нет. – Она прижала ладонь ко лбу. – Я не знаю. Люди столько всего рассказывают. Вам удалось что-нибудь обнаружить? Хоть какое-то доказательство его невинности?

Он почувствовал, что должен сказать что-нибудь ободряющее.

– Боюсь, еще слишком рано делать выводы.

Он вышел из дома и зашагал обратно к тропинке.

Обратный путь до Чеверетта занял не так много времени: в сущности, дело оказалось простым, и он считал его почти раскрытым. Он даже позволил себе раскурить трубку и бодро

вышагивал, держа руку на весу. Дым уползал в кроны деревьев, а отсветы огня в чаше трубки отмечали для всякого наблюдателя его путь сквозь подлесок.

Он оказался у деревянной скамьи возле «Белого камня» в ту самую минуту, когда часы били половину десятого. Он присел, чтобы вдоволь насладиться видом. Небо потускнело, день был удивительно тихим. Он посмотрел вниз, на темную воду, испещренную белесыми отблесками, и представил, какой ужас должна была испытывать миссис Аллен, летя вниз. «Пренеприятный способ умереть», – сказал он себе.

Он сидел и курил в одиночестве, глядя на волны и размышляя, существует ли на самом деле таинственная лодка мистера Фойла. Потом, выбив трубку над бездной, он снова отправился в путь – к железнодорожной станции.

Следующим вечером мистер Браун и инспектор Уайлд вновь встретились в ресторане отеля «Палас». Оба курили, мистер Браун – свою грубо выструганную гнутую деревянную трубку, похожую на большой коготь в его ладони, а инспектор Уайлд – тонкую сигарету. Их угол зала был заполнен густыми клубами табачного дыма. Две демонические фигуры в темном мареве сидели и попивали бренди, насытившись плотным ужином из мяса и овощей, и речь у них зашла о деле Фойла.

– Что ж, – начал инспектор Уайлд, – кажется, мы зря потратили ваше время. Хоть и не по своей вине. Теперь мы точно знаем, что случилось на чевереттском утесе. Представьте себе: яхта, которую он видел, и правда существует! Она называется «Отставной бродяга», вчера причалила в Саутгемптоне.

– Мне, знаете ли, доводилось представлять себе и не такие чудеса.

– Готов побиться об заклад, что без таких последствий. Владелец и его жена на прошлой неделе пересекли Ла-Манш. Они ничего не слышали о нашем деле, пока на острове Гернси ему не попала на глаза английская газета. Его фамилия Саймонс. Выглядит вполне солидно. Оказалось, что его жена наблюдала всю сцену и рассказала ему, но она была в подпитии, и он ей не поверил. Увидев газету, он сообразил, что к чему. И тут же отплыл обратно, ужасно мучась совестью. Жена осталась на Гернси, но пересказала ему все в подробностях.

– Похоже, он изрядно натерпелся. Зато теперь из него выйдет неравнодушный свидетель. – И оба захохотали, изрыгая клубы дыма.

– Как бы то ни было, – продолжил инспектор Уайлд, – позвольте мне вас просветить.

Он чиркнул спичкой, собираясь закурить еще одну сигарету, но мистер Браун, наклонившись вперед, задул пламя.

– Погодите секунду, – сказал он. – Не доставлю вам такого удовольствия. Мне и так известно, что произошло.

– Но это невозможно. Мы сошлись на том, что улики не осталось.

– И тем не менее я кое-что обнаружил. Достаточно для неплохой гипотезы, по меньшей мере.

Во взгляде инспектора Уайлда читалось недоверие.

– Ясно. Ну, валяйте.

Грузный желтовато-бледный мужчина устроился в кресле поудобнее.

– Это дело позволяет выдвинуть всего две версии. Либо перед нами несчастный случай, либо виновен Гордон Фойл. Достаточно одной веской улики, чтобы выбрать один из двух возможных вариантов.

– Справедливо. И вы обнаружили такую улику?

– Обнаружил. – С этими словами мистер Браун извлек из жилетного кармана кусок сложенной квадратом запачканной белой ткани и вручил его инспектору. Тот развернул его и расстелил на столе. – Перед вами шарф жертвы.

– Где вы его нашли?

– Выудил из вереска. Видимо, ваши ребята его не заметили.

– И что именно он должен нам поведать?

– Как видите, на нем остался след от резинового сапога. Узкий, женский. Точно такой же я увидел на газете в доме жертвы. Вы, конечно, подтвердите, что в день гибели на ней были резиновые сапоги?

Инспектор Уайлд кивнул.

– Да, так и было.

– Прекрасно. В таком случае скажите, как может женщина, сорвавшись со скалы и летя вниз, наступить на собственный шарф? В ветреный день концы шарфа были бы у нее за спиной. Получается, что наступить на шарф, да еще и пяткой, можно лишь в том случае, если вы отступаете назад. Или если вас тащат назад.

Инспектор Уайлд все еще сомневался.

– Продолжайте.

– Я думаю, что на скалах произошло следующее: Гордон Фойл и миссис Аллен встретились на тропинке и обменялись парой резких фраз. И тогда, по всей видимости, ему пришло в голову, что можно разом положить всему конец. Он развернулся, подошел к ней сзади и схватил за шею. Она, разумеется, сопротивлялась. Но он тащил ее назад. В тот момент она и наступила на шарф, он сполз, и его ветром снесло к кустам. Фойл протащил миссис Аллен сквозь вереск и сбросил с обрыва. Провал на тропе – просто удачное совпадение, а убийство произошло на том месте, где поврежден кустарник. – Он поднял бокал. – Что ж, инспектор, теперь просветите меня.

Вид у инспектора Уайлда был немного озадаченный. Он одарил своего приятеля кислой улыбкой.

– Что тут скажешь? Кажется, многое вы просто угадали, но догадки совершенно верные. Жена хозяина яхты наблюдала все то, что вы сейчас описали. Гордон Фойл виновен, уж теперь-то и ежу понятно. Одного только не возьму в толк: зачем было рассказывать о яхте, когда преступление – твоих рук дело.

Мистер Браун соединил пальцы правой и левой руки.

– Полагаю, что он видел яхту вдалеке и решил немного оживить картину. Сама вероятность того, что историю могут подтвердить, придавала ей правдоподобия. Он наверняка не допускал и мысли, что они действительно хоть что-то видели. Шансы были весьма невелики, ведь верно?

– Это точно.

– Ему просто не повезло, что случилось иначе. – Он вспомнил умоляющий взгляд голубых глаз. – Что ж, значит, его вздернут?

Инспектор кивнул.

– Скорее всего. Смертная казнь через повешение.

Мистер Браун сочувственно закивал головой, и его усталое лицо казалось марионеткой, покачивающейся на привязанных к темени ниточках.

– Как жаль. Он мне понравился. Утешает лишь то, что я спас Дженнифер Аллен от брака с убийцей.

Он вспомнил ее слова: «Не знаю, что я буду делать, если его повесят». И улыбнулся легковерию юности.

– Смерть – грязное дело, иначе не бывает, – произнес инспектор Уайлд. – Пускай о последствиях горюет преступник, это не наше дело.

Без особого воодушевления приподняв бокалы, мужчины откинулись на спинки ярко-красных кресел.

В ту ночь жительница Чеверетта миссис Дэйзи Ланкастер проснулась в своем доме на Стейшен-роуд и выглянула в окно. Перед ней простиралось море, надежное и успокаивающее, как стакан воды на прикроватной тумбочке. Ей снилось лицо мужчины, с которым она повстречалась на набережной пару дней назад, мужчины, чья фотография появилась в газетах с подписью «помощник полиции», некоего мистера Уинстона Брауна, – оно вставало над водой, как бледная луна, его испытующий взгляд был прикован к ее окну, невероятно длинная трость протянулась над бухтой к самой ее двери; лицо было холодным и безразличным, как волны.

Поежившись, она закрыла окно.

Вторая беседа

Джулия Харт не могла не ускориться на последней странице: «...лицо было холодным и безразличным, как волны. Поежившись, она закрыла окно».

Джулия положила рукопись на землю рядом с собой, налила стакан воды. Этот рассказ напомнил ей о побережье Уэльса, где она выросла. Грант отстукивал ногой какой-то ритм. Казалось, он полностью ушел в себя.

– Все в порядке? – спросила Джулия.

Его голова дернулась, как если бы вопрос застал его врасплох.

– Простите, – сказал он. – На секунду я забылся. Этот рассказ и впрямь вернул меня в прошлое.

– Так он основан на реальных событиях?

Грант покачал головой.

– Просто он пробудил кое-какие воспоминания. Пару случаев из моей жизни.

– А я вспомнила детство, – сказала Джулия. – Моя семья переехала в Уэльс, когда я была совсем маленькая.

Грант улыбнулся, стараясь выглядеть заинтересованным.

– А где вы родились?

– Вообще-то в Шотландии. И я ни разу с тех пор там не была.

– А я никогда не был в Уэльсе, – печально вздохнул он. – Вы скучаете по нему?

– Время от времени. А вы по Шотландии?

Грант пожал плечами.

– Теперь я вообще редко вспоминаю о ней.

Джулия почувствовала, что нужно сменить тему.

– Так, значит, все-таки Гордон Фойл был виновен? Наверное, эта история не могла закончиться по-другому. Если бы это оказался несчастный случай, концовка была бы менее эффектной. Как вы думаете?

Грант приподнялся на кулаках и развернулся спиной к солнцу, теперь против света его лицо стало неразличимо.

– Я не одобряю счастливый конец в криминальном жанре. Смерть должна представлять перед нами не иначе как трагедией. – Он поднял с земли лимон и стал вертеть его между пальцами. Этими торопливыми движениями он будто извинялся за то, что ранее позволил себе отвлечься.

Джулия постучала ручкой по рукописи.

– Кажется, вам также не нравится изображать детектива героем? Мистер Браун – довольно зловещее создание. И, похоже, он в основном импровизирует. Даже коллега Брауна сознает, что в его действиях больше сумасбродства, чем метода.

– Да. – Грант пожал плечами. – Полагаю, я оспаривал идею, что детективные рассказы – это истории про логическую дедукцию. Как математик, могу сказать: ничего подобного. Большинство вымышленных детективов заняты тем, что высказывают вдохновенные догадки, не более того. С этой точки зрения в таких персонажах есть что-то фундаментально нечестное. Вам так не кажется?

Они сидели в лимонной роще, немного вверх по холму от его коттеджа. После того как они вместе пообедали, Грант на время оставил Джулию.

– Мне нужно прогуляться, – сказал он. – Хотите присоединиться?

Но Джулия еще не привыкла к жаре. После утреннего солнца она ощущала, что кожа на лице будто туго натянута, поэтому она осталась под лимонными деревьями, где было доста-

точно тени и куда долетал прохладный ветерок. Она села на землю и записала несколько комментариев к рассказу, который они только что прочли.

Грант вернулся через полчаса. Он шел со стороны коттеджа, и она наблюдала за его приближением: сначала он был размером с листочек, затем с лимон и в конце концов с небольшое деревце. Он нес графин с водой – казалось, теперь он будет носить его всегда, – и поставил его прямо перед ней. Она налила воду в стакан и начала читать.

– Действительно ли персонажи-детективы фундаментально нечестные? – Она задумалась. – Звучит как название диссертации. – Он ждал, что она скажет. Тишину пронзило птичье пение. – Я бы сказала, нет. Не более, чем сами детективные истории.

Грант прикрыл глаза.

– Мудрый ответ.

Джулия налила еще стакан воды. После первого рассказа она не горела желанием снова читать вслух, не в такой жаркий день: ее горло пересохло уже к концу первой страницы. Но еще утром Грант признался ей, что за последние несколько лет его зрение сильно ухудшилось. На острове не было оптометриста, а очки разбились несколько лет назад.

– В итоге я читаю очень медленно. И это мучительно.

– Значит, вы больше не пишете?

– И не пишу, и не читаю. Разве что когда без этого не обойтись.

Она чувствовала, что у нее нет выбора и пошла ему навстречу, прочитав вслух два первых рассказа. На этом ее силы закончились.

Подул ветерок, принеся с собой слабый запах моря. Он бодрил, но слегка отдавал гнильцой. Это был запах самой жизни в ее вечном обновлении. Лимонные деревья, напротив, были окутаны облаком сладкого аромата, будто лампы, блистающие в тумане.

– Я засну, если мы будем сидеть здесь слишком долго. – Грант встал и принялся прыгать с одной ноги на другую. Он был одет в пиджак поверх белой рубашки, и снова не было ни намека, что его хоть как-то беспокоит жара. – Может, начнем? Вы готовы? Есть в этом рассказе что-нибудь, что вы хотели бы изменить?

Джулия посмотрела на него.

– Ничего существенного. Несколько фраз. Но я снова заметила нестыковки. И мне снова кажется, что они введены намеренно.

Повернувшись к ней, он слегка улыбнулся.

– Хотите сказать, что и в этом рассказе город – это образ ада? Тогда пребывание в нем может показаться чем-то приятным, вроде летнего лагеря.

Она рассмеялась.

– Нет, я имею в виду фрагмент ближе к концу. Когда после прогулки вдоль скал мистер Браун возвращается к скамейке у «Белого камня», церковные часы как раз отбивают половину десятого, но скамейка пуста. Хотя несколькими страницами ранее миссис Эпштейн не пожалела сил, чтобы уверить нас, что в это время она всегда сидит там. Понимаете, что я имею в виду? Зачем вообще упоминать о ее повседневных занятиях, если не для того, чтобы подчеркнуть несоответствие?

Темный силуэт Гранта ходил взад-вперед.

– То есть подразумевается, что она была похищена или что-то в этом роде?

– Нет. Думаю, подразумевается, что на самом деле он вернулся с прогулки в половине десятого вечера. Если внимательно прочитать соседние предложения, в них ясно описывается лунный свет, отражающийся в черном море. Еще один ключ – это название города.

– Чеверетт?

– Вечереет.

– О! – Он хлопнул в ладоши. – Такие шуточки могли забавлять меня, когда я был помоложе.

– Так что же мистер Браун делал целый день?

– Полагаю, это загадка. – Свободная одежда Гранта сейчас трепетала на ветру, глаза были широко распахнуты от волнения. – Но вы правы: должно быть, я добавил эти детали намеренно. Чтобы проверить, насколько внимательны читатели. Я не помню этого, но я вообще едва помню, как писал эти рассказы. – Он сел обратно на свое место. – Скорее вы должны объяснять их мне, а не наоборот.

Она подняла бровь.

– Все же кое-что вы можете объяснить. – Грант снял шляпу и чуть пододвинулся к Джулии. – С утра вы рассказали мне, что первое условие для детективной истории – это группа подозреваемых, которых должно быть по меньшей мере двое. Но в этом рассказе, кажется, есть только один.

Он откинул голову назад и ухмыльнулся небу.

– Да, он специально написан так, чтобы создавалось такое впечатление. Но это просто ловкость рук. Меня всегда привлекала идея детективного рассказа с единственным подозреваемым, своего рода парадоксальный взгляд на жанр. Но чтобы показать, что этот рассказ вполне удовлетворяет определению, я должен сначала рассказать про вторую компоненту.

Джулия взяла ручку и открыла блокнот, устроив его у себя на коленях.

– Я готова.

– Вторая компонента детективной истории – жертва или группа жертв. Это персонажи, которые были убиты при неизвестных обстоятельствах.

Джулия записала его слова.

– Первая компонента – это группа подозреваемых, вторая – группа жертв. Возможно, я могу угадать остальные.

Он кивнул.

– Я же говорил вам, все просто. Единственное условие, которое мы наложим на группу жертв, заключается в том, что в этой группе должна быть как минимум одна жертва. Поскольку если нет жертвы, нет и убийства.

– По крайней мере удушенного.

– Итак, в данном случае у нас есть жертва, миссис Аллен, и подозреваемый, Гордон Фойл. И получается, что он действительно убил ее, но были возможны и другие варианты. Это мог быть несчастный случай, жертва просто могла оступиться.

Джулия сделала пометку в блокноте.

– Причина смерти – несчастный случай. Меня всегда притягивала сила частицы «не». Она как бы постоянно напоминает о том, как легко что-то может превратиться в свою противоположность: удача в неудачу, счастье – в несчастье.

Грант рассмеялся.

– Точно. Возьмем, к примеру, мое длительное пребывание на этом острове. Когда я ехал сюда, я видел впереди слово «свобода», написанное крупными буквами. Но чем старше я становлюсь, тем чаще задаю себе вопрос: может, я не разглядел частичку «не»?

«Вот и я тоже – не свободна здесь», – подумала Джулия. Она очень устала, и у нее все еще болело горло. Она улыбнулась ему.

– Это могло быть и самоубийство, хотя такая возможность в рассказе совсем не рассматривается.

– Верно, – сказал Грант. – И, если мы имеем несчастный случай или самоубийство, кого мы будем считать в наибольшей мере ответственным за смерть?

– Не знаю. Жертву, вероятно?

– Именно. Саму миссис Аллен. Что означает, что либо мистер Фойл повинен в ее смерти, либо она сама.

– Тогда она и есть второй подозреваемый?

– Правильно. Наше определение требует наличия группы из двух или более подозреваемых и группы, в которой есть по меньшей мере одна жертва, но в нем не говорится, что эти группы не могут пересекаться. Таким образом, миссис Аллен может быть одновременно и жертвой, и вторым подозреваемым.

– Но если она просто поскользнулась и упала, немного странно называть ее убийцей.

– Конкретно это слово, конечно же, неуместно. Но представляется разумным следующее утверждение: ее собственные действия могли бы стать причиной ее смерти в гораздо большей степени, чем действия других персонажей. Для начала она пошла гулять по этой тропинке. Следовательно, разумно включить ее в число подозреваемых. Это все упрощает.

– Понятно, – сказала Джулия, как только записала последние слова. – Значит, это еще один пример детективного рассказа с двумя подозреваемыми?

– Да, с той оговоркой, что один из них является жертвой. Так что в этой загадке про убийство имеется лишь один подозреваемый, исключая жертву.

– Похоже, в этом есть смысл. – Джулия подняла лимон с земли и вдохнула его сладкий запах. – У меня есть еще один вопрос.

– Какой же?

– Вы назвали свой сборник «Белые убийства». Я потратила довольно много времени, пытаюсь понять – почему.

Грант улыбнулся.

– И к какому выводу вы пришли?

– В этом рассказе фигурирует коттедж «Белый камень».

– А в первом – белая вилла в Испании.

– Тема белого цвета прослеживается и в остальных историях. Но я подумала, может быть, здесь кроется нечто большее, чем просто цвет?

– Что вы имеете в виду?

– Мне показалось, что я где-то уже слышала это название. А потом я вспомнила, где именно. – Она сделала короткую паузу. – Вам известно, что много лет назад произошло настоящее убийство, которое в народе так и прозвали – Белое убийство?

– Нет, я не знал о нем. Какое интересное совпадение.

– Неужели вы никогда не слышали об этом?

Грант уже не улыбался.

– Теперь, когда вы об этом заговорили, что-то смутно припоминаю.

– В «Печати смерти» мы опубликовали несколько книг о нераскрытых убийствах, так что я читала и об этом случае. Вот откуда мне было знакомо название. Убийство произошло в северном Лондоне в тысяча девятьсот сороковом году. Случай был из тех, которые пресса обожают смаковать: убили молодую женщину по имени Белла Уайт. Она была актрисой и драматургом, а главное – она была очень красива. Однажды вечером ее задушили в Хэмпстед-Хите. Газеты окрестили это преступление Белым убийством. Это случилось до моего рождения, но, насколько я понимаю, в то время дело было очень громким. Убийцу так и не нашли.

– Как неприятно.

– Да, весьма. Но действительно ли это просто совпадение?

Грант оперся подбородком на руку.

– Что же еще? Думаете, я назвал книгу, так сказать, «в честь» этого преступления?

Джулия склонила голову набок.

– Это должно было быть во всех газетах примерно в то время, когда вы писали.

– В лондонских газетах. А я жил в Эдинбурге, и упоминание об этом убийстве пришлось бы поискать. Конечно, название могло бы запомниться бессознательно, если бы я его где-нибудь увидел. Либо так, либо это в самом деле просто совпадение. – Он пожал плечами. – По правде говоря, я выбрал название «Белые убийства» потому, что считал его выразительным.

Почти поэтичным. – Он заговорил, как человек, который произносит цитату на иностранном языке, расставляя ударения там, где их в действительности нет: – «Белые убийства». Но это легко могли быть «Красные убийства» или «Голубые убийства».

Джулия гадала, говорит ли он правду.

– И все же, учитывая время написания, это слишком большое совпадение.

Грант снова улыбнулся.

– Смотря с чем сравнивать.

– Верно. – Она устала записывать. – Сделаем перерыв?

[03] Детектив и его улики

Неприметный джентльмен в элегантном темно-синем костюме шел вдоль одной из трех улиц, окаймлявших небольшую площадь в центральном Лондоне. До полудня оставалось пять минут, когда он внезапно вступил в лужу. Человек был так взволнован и погружен в свои мысли, что резко остановился, потрясенный этим нелепым происшествием. Он осмотрел свои туфли с досадой и недоумением: стояла приятная погода, конец лета, а дождя не было уже три недели.

Грязная поверхность воды постепенно разглаживалась, и на ней все четче проступало его отражение. Круглое лицо словно висело в воздухе прямо над плечами. Темные волосы и ухоженные черные усы втиснулись в пространство между костюмом и синевой неба. А вот и почти незаметная шея. Он поднял глаза и увидел, что мокрый след тянется от лужи по тротуару к цветочному магазину, где яркие, как из детской раскраски, цветы – свидетели его неудачи – с притворным сочувствием кивают ему головами. Человек беззвучно выругался и раздраженно оглядел окружающие здания, будто желая на чем-то выместить свою злость.

Так все и началось.

Площадь называлась Колчестер-гарденс. Это же название носил и почти прямоугольный частный сад, который начинался у пересечения двух улиц и оканчивался третьей – узкой изогнутой улочкой, соединяющей две другие. Она именовалась Колчестер-террас, и человек в темно-синем костюме стоял примерно посередине нее, скрытый зеленью сада со стороны двух других, более людных улиц.

Ключи от входа в сад были только у жителей Колчестер-террас. Человек в темно-синем костюме, как и другие прохожие, мог только смотреть на сад сквозь прутья черной металлической ограды. Он огляделся по сторонам: на улице никого, цветочный магазин закрыт без объяснения причин, лавка зеленщика на углу вроде бы работала, но покупателей не было видно.

По другую сторону ограды играли две девочки. Они пытались справиться с большим бумажным самолетом, который никак не желал летать. Этот самолет, размером с небольшую собаку, был сделан из роскошной упаковочной бумаги фиолетового цвета. До человека доносился только смех девочек, которые по очереди его запускали. Всякий раз самолет пролетал только пару ярдов, зависал в воздухе, словно наталкиваясь на мощное сопротивление, а затем делал петлю вверх или пикировал носом в землю, при этом девочки театрально вскрикивали и начинали все заново, злясь и не веря в успех своей затеи, но заливаясь заразительным смехом.

Человек в темно-синем наблюдал за ними в течение минуты. Затем подошел ближе, схватился руками за решетку и просунул лицо между острыми лилиями, венчавшими прутья ограды.

– Девочки! – позвал он.

Те прекратили смеяться и взглянули на него. Они были примерно одного возраста и носили похожие голубые платья.

– Девочки, как вас зовут?

Одна из них, с рыжеватыми волосами, оказалась посмелее и шагнула навстречу, другая уселась на траву.

– Я Роуз, а это – моя подруга Мэгги.

Мэгги спрятала глаза, услышав свое имя.

– А меня, девочки, зовут Кристофер. И теперь, раз мы уже знакомы, можно я помогу вам запустить этот самолет? – Он указал на него пальцем.

Роуз повернулась к своей брошенной игрушке. Самолет валялся на траве между ней и ее подругой, и вид у него был такой же потерянный, как и у Мэгги.

– Нужно только утяжелить нос, и он полетит.

Роуз неуверенно взглянула на бумажную безделицу под ногами, не горя желанием ее поднимать: ей стало обидно, что этот серьезный мужчина, приоткрыв дверь в мир взрослых разговоров, вдруг резко захлопнул ее прямо перед носом, попросив игрушку.

– Вот, – сказал он, – возьми.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака небольшую карточку и порвал ее пополам. Первую половину он положил обратно в карман, а вторую сложил в три раза в маленький плотный прямоугольник и протянул его сквозь прутья. Роуз машинально взяла разочаровавший ее подарок и потупила глаза.

– Закрепи в носу самолета и попробуй еще раз.

Она хотела возразить, что им, в общем-то, все равно, полетит самолет или нет, что они просто развлекаются и что она на самом деле уже выросла из этих игр. Но голос мужчины звучал так тепло, что она отменила все сомнения: ей было приятно ощущать себя участницей небольшого заговора. Она запихнула карточку в самолет, как ей сказали. Затем пробежала с ним несколько шагов. Он следил за ее руками, пока она запускала самолет: тот пролетел около двадцати ярдов, разрезая небо, словно большой нож, и грациозно приземлился. Мужчина улыбнулся и посмотрел на вторую девочку, надеясь увидеть ее одобрение.

Однако Мэгги продолжала сидеть, со скучающим видом ковыряясь в траве. «Что-то с ней не так», – подумал он. Тут она украдкой подняла на него глаза, и он все понял: она не грустила и не скучала – она испугалась. Охваченный сомнениями, он отпрянул. Не отрывая взгляд от девочки, он еще несколько мгновений колебался, а затем принял решение.

– Хорошего дня вам, девочки.

Он слегка поклонился Роуз. Та радостно помахала ему в ответ.

И он ушел.

В двадцать минут пополудни Элис Кэвендиш шла по саду Колчестер-гарденс, расположенному в одноименном районе. Она направлялась к черным воротам, чтобы выйти на улицу, как вдруг заметила свою сестру: та играла в куклы вместе с младшей дочкой семейства Клементс.

Элис была в хорошем настроении, поэтому свернула к ним. Во внутреннем кармане ее легкого летнего пиджака было спрятано письмо от Ричарда – тот писал, что ему было приятно встретиться с ней на прошлой неделе и что у него есть подарок, о котором она просила, а еще спрашивал, не против ли она как-нибудь прогуляться. Она специально ходила в самый дальний уголок сада, где три раскидистых платана образовывали небольшой тенистый треугольник, чтобы спокойно прочитать письмо без лишних глаз. Трава между платанами, скрытая от солнечного света, всегда оставалась слегка влажной, но благодаря милому письму Ричарда все вокруг, даже сырость, заставляло ее сердце петь.

– Доброе утро, Мэгги, – поздоровалась она с сестрой. – Чем вы тут вдвоем занимаетесь?

Роуз вскочила со словами:

– Вот ты глупая, сейчас уже день.

– Привет и тебе, Роуз.

– Ты должна называть ее миссис Клементс, – заявила Мэгги. – Мы играем, что мы вдовы, а это наши сиротки.

Она указала на двух кукол. Элис рассмеялась, размышляя, что лучше: указать сестре на семантическую ошибку или продолжить расспрашивать об игре. В конце концов она решила не делать ни того ни другого.

– А где самолет, который я вам вчера сделала? Я думала, раз погода хорошая, вы будете его сегодня запускать.

Роуз Клементс всегда любила отвечать первой: снова вскочив, она указала на ближайшее дерево и, шагнув к нему, добавила:

– Там!

Повисший высоко на ветках фиолетовый самолет издали напоминал кусок витража.

– Вот незадача, – посочувствовала Элис.

– Виноват тот человек, – сказала Мэгги. – Все было хорошо, пока он не испортил наш самолет.

Эта загадочная фраза пробудила в Элис какое-то дурное предчувствие, она даже засомневалась, не послышалось ли ей. Но затем она вдруг вспомнила слова, произнесенные Роуз до этого, и все остальные мысли улетучились.

– Ты сказала, уже за полдень?

Роуз кивнула.

– Церковные колокола звонили очень давно.

Элис, похоже, так погрузилась в свои фантазии, что не слышала этого.

– Я же должна принести мамуле чай.

Теперь она думала только об этом.

Она стремглав бросилась к воротам, выбежала на Колчестер-террас и, миновав несколько домов, очутилась у своей двери. Потянувшись к ручке, она заметила, что испачкалась.

– Вот незадача, – расстроилась она, взглянув на ладони.

Толстый слой грязи под ногтем большого пальца напоминал остатки соуса на тарелке.

Она открыла массивную красную дверь и вошла в вестибюль. С другой стороны коридора появилась горничная Элиза. Элис сняла свой пиджак и отдала его Элизе, незаметно вытащив письмо Ричарда из кармана.

– Элиза, приготовишь мамуле чай? А я отнесу его наверх, когда она проснется.

Элиза кивнула и исчезла в темном конце дома.

Элис прокралась в кабинет отца, который располагался справа от входа, и, стараясь ничего не трогать, уселась за его стол, чтобы перечитать письмо.

Через несколько минут Элиза уже ждала Элис на втором этаже. Она держала поднос с чашкой горячего медно-красного чая и ярким ломтиком лимона. Элис взяла у нее поднос и поднялась по лестнице. Она негромко постучала, предупреждая о своем приходе, и вошла в просторную хозяйскую спальню.

– Доброе утро, Элис.

Бледная мать сидела в кровати, опершись на руки: в своей алой пижаме, она казалась похожей на книжную закладку посреди белых, как страницы, простыней. Элис поставила поднос, подошла к окну и распахнула занавески – мать поморщилась и тут же натянула одеяло до шеи, словно от солнечного света ей становилось только холоднее. Окна выходили на площадь, и с высоты Элис хорошо видела, как несносная Роуз Клементс гоняет ее сестру от одного дерева к другому, размахивая хризантемой, будто мечом, а чуть поодаль можно было разглядеть и ее собственное укрытие между платанами.

– Мамуля, как ты себя чувствуешь? – Она подошла к кровати и взяла в ладони мамину руку.

– Мне всегда лучше, когда ты рядом, дорогая. Я, правда, плохо спала, и у меня очень болят легкие.

Дочь сочувственно улыбнулась.

– Элис, что с тобой, почему ты грязная? – Глаза матери округлились.

Элис отдернула руку, будто поднесла ее слишком близко к свече, и тут же принялась тереть большой палец.

– Мамуля, знаю. Я испачкалась, когда собирала цветы.

– Еще и по всему лицу грязь размазала, ну взгляни на себя.

– Вот незадача. – Элис подошла к зеркалу на мамином туалетном столике и увидела, что это правда.

Читая письмо Ричарда, она забылась и так разволновалась, что машинально ковыряла пальцами землю и рвала на кусочки листья, а затем этими же руками трогала волосы. Вокруг бровей и на подбородке красовались пятна грязи.

– Надо же! Мамуля, я пойду приму ванну. Ты потом расчешешь мне волосы?

– Конечно, дорогая.

Элис сбежала вниз и на втором этаже нашла Элизу, которая вытирала пыль в старой детской комнате.

– Элиза, наберешь мне ванну?

Без семи минут час Элис Кэвендиш зашла в ванную комнату своего дома на Колчестер-террас и задернула занавеску на окне. Это действие не имело практического смысла, ведь напротив не было других домов и в ванной стало только темнее; так, впрочем, Элис чувствовала себя в уединении, что ей и было нужно. Ей хотелось перечитать письмо Ричарда, которое теперь хранилось под поясом юбки.

Она разделась, оставила стопку одежды на стуле у двери, положила письмо поверх и придвинула стул поближе к ванне. Задержав дыхание, она опустила ногу в восхитительно теплую воду.

– А как ты моешь голову в ванне?

Теперь Элис ничто не отвлекало, и она вспомнила вопрос, который ее подруга Лесли Клементс задала однажды в чудный осенний день, когда они играли в саду: Лесли в тот момент пригоршнями вынимала сухие листья из своих длинных рыжих волос.

– Я имею в виду конкретный способ. У меня есть свой, но интересно, как это делаешь ты.

– Расскажи сначала ты, – ответила Элис, боясь оконфузиться.

– Нет-нет, – возразила Лесли, – я первая спросила, ты и рассказывай. Не стесняйся, мне просто любопытно. У тебя всегда такие чистые волосы.

Элис нахмурилась.

– Раньше мамуля стояла у ванны и лила воду из миски мне на голову. А теперь она заболела и больше не может так делать. Но даже если б могла, все равно, думаю, я уже слишком взрослая. Элиза пробовала пару раз, но это не то. Так что обычно я сажусь над ванной с миской, наклоняюсь вперед и лью воду себе на голову.

– Должно быть, утомительно, – заметила Лесли, пробуя изобразить это действие, чтобы понять, насколько оно удобно. – У меня, наверное, так не получится. Я не придумала ничего лучше, чем задержать дыхание и на минуту опустить голову под воду. Леди так обычно не делают, я знаю, но в эти моменты у меня аж дух захватывает.

– И я так раньше делала, – со смехом подхватила Элис, – однако мамуля всегда была против. Она говорила, что задерживать дыхание опасно даже на несколько секунд.

Лесли закатила глаза.

– Но теперь-то ты можешь, она же все равно не узнает.

И правда, всякий раз, когда Элис не хотелось возиться с волосами, она позволяла себе мыть голову именно так, как описала подруга. Сегодняшний день не был исключением. Зажав нос правой рукой, она с головой погрузилась под воду, а левой рукой принялась разглаживать свои длинные светлые волосы, пока они полностью не распутались и не стали шелковистыми на ощупь. Через двадцать секунд от недостатка воздуха внутри стало покалывать – вынырнув на поверхность, она ощутила тот восторг, на который намекала Лесли. Сделав несколько глубоких вдохов и зажмурившись, она снова ушла под воду и, медленно опускаясь спиной на дно ванны, думала о Ричарде.

Когда она нырнула в третий раз, кто-то быстро подошел к ванне и положил руку на воду прямо над ее головой. Только и всего. Никакого давления – пока что. Этот кто-то наблюдал за ней, стоя у двери чуть позади ванны, и знал, что она останется под водой, пока ей не захочется вдохнуть. До тех пор не было смысла расходовать силы.

Элис пролежала пятнадцать секунд с закрытыми глазами, вода пальцами по пряди волос, которая тянулась через левое плечо и закрывала грудь, а затем приподняла голову, но почувствовала легкое прикосновение ко лбу. Ощущение было почти незаметным. Сначала она подумала, что дотронулась до поверхности воды, поэтому не стала сразу паниковать. Но, попробовав поднять голову выше, обнаружила, что это вовсе не поверхность воды, а теплая влажная кожа: открыв глаза, она увидела только тьму, потому что на глазах лежала чья-то рука в перчатке. Она попыталась сесть. Рука обхватила лицо Элис и толкнула ее вниз. Ее руки оказались бесполезны: правую плотно прижали к краю ванны, а левая была бессильна против того, кто держал ее голову. Она постаралась дотянуться туда, где должно было быть лицо нападавшего, но нащупала только плечи. Рука казалась отлитой из железа, и ногти Элис не могли причинить ей никакого вреда. Она попыталась упереться ногами, но тоже без толку. К этому моменту она находилась под водой уже сорок секунд. Еще примерно столько же, и ее сознание начало затуманиваться, а тело – слабеть. Этих секунд перед неминуемой смертью ей не хватило на то, чтобы задаться вопросом, кто и зачем ее убивает. Все оставшееся время она изо всех сил старалась сделать лишь одно – закричать.

В тот же день в начале четвертого к черной ограде Колчестер-гарденс подошли инспектор Лори и сержант Балмер из уголовной полиции. Они договорились обойти сад с разных сторон, чтобы ознакомиться с обстановкой, и поэтому выглядели как два посторонних человека, встретившихся у дома совершенно случайно. Балмер был крупного телосложения, с огромными ручищами, в плохо сидящем костюме, а Лори, напротив, – поджарый, с густо напояженными волосами и в маленьких круглых очках: один мог бы запросто уточнить у второго время или спросить дорогу, но было вовсе не похоже, что они знакомы друг с другом.

Балмер прислонился к стене и посмотрел вверх на трехэтажное здание с фасадом кремового цвета.

– Как думаешь, насколько все плохо там внутри?

Лори разглядывал клумбу у входа. В земле виднелось овальное углубление.

– Чрезвычайно плохо, ведь она была любимой дочерью. – Лори указал на цветы, словно они были источником этой информации.

Балмер подошел ближе и наклонился к клумбе, а затем взглянул на Лори с напускным недоверием – так у них начинались многие беседы.

– Почему ты так решил?

– Когда я проходил мимо, в саду играли две девочки. У одной из них в волосах был фиолетовый цветок. Цветок она взяла здесь.

Он подцепил пальцем поникший зеленый стебелек – цветок с него был оторван.

– Девочка, скорее всего, из этого дома. На земле след детской ноги. Значит, несмотря на произошедшее в доме убийство, маленькую девочку оставили на улице без присмотра. Думаю, родители в своем горе просто забыли о ней.

Балмер посмотрел на двух девочек и кивнул, пораженный искусством Лори.

– Однако ей ничто не угрожает, я полагаю, – сказал он. – По углам сада расставлены полицейские.

– Все равно кажется странным, что родители отпустили ее в такое время. И еще: комната вот за этим окном – похоже, кабинет отца. – Он показал на окно сбоку от входа. – Я заметил на его столе фотографии: почти на всех – старшая дочь, так что вывод подтверждается.

Балмер подошел к окну и процитировал фразу, которую много раз слышал от Лори: «Потому что теории – это еще не факты. И каждая теория должна быть подкреплена несколькими уликами». Он посмотрел на коллегу, затем разглядел фотографии и снова кивнул.

Лори постучал в дверь.

Через пару секунд ему открыл одетый по форме полицейский. Он был смертельно бледен. Из рта у него торчала маленькая сигарета – почти такая же белая, как его лицо, только чуть насыщенней, она напоминала настенный выключатель. Полицейский затянулся, и сигарета задрожала между губ.

– Слава богу, вы пришли, – произнес он. – Мне не нравится этот дом, а этим людям не нравлюсь я.

В последние два часа констебль Дэвис был единственным, кто пытался внести хоть какой-то порядок в дом, буквально погружающийся в хаос. Он сел и снял с пояса фляжку. Открутив крышку, он положил ее на ладонь, словно старинную монету, и осторожно припал к горлышку.

– Это первый раз за день, честное слово.

Лори махнул, показав, что Дэвис может не беспокоиться. Затем они втроем прошли в кабинет мистера Кэвендиша и встали друг напротив друга, прислонившись к мебели. Дэвис продолжил:

– Там суший кошмар. Когда она утонула, из нее вышло все. Кровь и другие жидкости по всей ванне. Поверьте, увидев это, вы уже не сможете смотреть на блондинок, как раньше.

Тело обнаружили примерно в половине второго. Элиза постучала в ванную, но ответа не последовало. Тогда она аккуратно открыла дверь сама. Ступив на небольшой коврик изумрудного цвета рядом с ванной, она посмотрела вниз и закричала. Ее услышала только что вернувшаяся кухарка: она вбежала вверх по лестнице, с порога увидела под водой обескровленное лицо Элис и бросилась за доктором Мортимером, другом семьи, который живет в нескольких кварталах отсюда. Доктор Мортимер вызвал констебля Дэвиса. Констебль Дэвис позвонил в Скотленд-Ярд.

Мистер Кэвендиш примчался из офиса через пятнадцать минут после того, как за ним послали. Все было довольно тихо, пока рыдающая миссис Кэвендиш не приползла на четвереньках вниз по лестнице, требуя пустить ее к дочери. Констебль Дэвис отказался дать ей пройти, чтобы сохранить в неприкосновенности улики на месте преступления. Миссис Кэвендиш ругалась и кричала. Констебль Дэвис впервые столкнулся с убийством; запаниковав, он бесцеремонно подхватил миссис Кэвендиш и отнес ее наверх в кровать, чем вызвал негодование мистера Кэвендиша, заявившего, что это «переходит всякие границы». Вконец расклеившиеся родители в знак протеста заперлись в своей комнате, горничная исчезла под лестницей, а констебль Дэвис остался бродить по залам и коридорам в одиночестве, как тюремщик, не зная, что делать дальше. Каждый раз, проходя мимо ванной, он не мог не заглянуть внутрь: вот над телом склонился доктор, вот доктор курит у окна, а вот он наконец ушел. В конце концов мысль о трупе стала навязчивой, и Дэвис поймал себя на том, что возвращается к месту преступления каждые несколько минут.

Лори предложил ему еще сигарету.

– Теперь это наша забота. Расскажите все, что вам удалось выяснить, и можете быть свободны.

– Не так уж много я и знаю. – Констебль Дэвис сделал еще один глоток из фляжки. – В доме находились трое. Когда все произошло, кухарки еще не было. Она ушла на рынок, мы проверили. Отец был в своем офисе неподалеку, коллеги его видели. Младшая сестра все время играла на улице. Мать лежала в кровати наверху. Она нездорова. Горничная Элиза убиралась на нижнем этаже, от места преступления ее отделяли несколько комнат.

– Она что-нибудь слышала?

– Ничего.

– Как далеко от ванной она находилась? Она бы услышала, если б жертва ее позвала или закричала?

Констебль Дэвис пожал плечами.

– Говорит, ничего не видела и не слышала.

Лори нахмурился.

– Похоже, нам надо с ней пообщаться.

– Я послал ее за доктором, на случай если у вас к нему будут вопросы. Она скоро вернется.

– Очень хорошо, – ответил Лори. – Пойдемте вверх и посмотрим на тело.

Трое мужчин поднялись в ванную: пар уже улетучился, а влага высохла. Голова Элис целиком находилась под идеально гладкой поверхностью воды. Из соображений благопристойности ванну накрыли полотенцем, но оно ушло под воду и неравномерно осело на теле девушки. Холодная, неприглядная картина смерти. На мгновение показалось невероятным, что еще утром девушка была жива.

Балмер присвистнул.

– Человек, зверь или дьявол?

Лори подошел к ванне и опустился на колени. На стоявшем рядом стуле лежала стопка аккуратно сложенной одежды. Он быстро перебрал ее пальцами, словно пролистывая книгу, но ничего интересного не обнаружил. Не снимая очки, он заглянул в ванну и кончиком пальца коснулся воды. Она была ледяной.

– Красивая молодая девушка, – сказал он. – Мотив, скорее всего, сексуальный.

– Я тоже вначале так решил, – ответил констебль Дэвис, – но в этом нет никакого смысла. Ее никто не трогал ни до, ни после. Получается, кто-то, одержимый желанием, ворвался, убил ее и тут же ушел?

Лори обернулся, посмотрел на него и улыбнулся с едва заметным снисхождением.

– У мужчин бывают довольно странные пристрастия. Может быть, он просто хотел убить нечто прекрасное.

Балмер никогда не находил удовольствия в осмотре места преступления. Он терпеливо ждал в глубине комнаты и в этот момент сделал шаг вперед.

– А мы точно уверены, что это убийство?

Лори опустил руки в грязную воду и, взяв кисти девушки, повернул их.

– Левая рука сбита в кровь, ее смерть не была тихой. С ней мог бы случиться какой-то приступ, но на правой руке видны четыре отметины от пальцев, как если бы ее кто-то крепко держал.

Со своей наблюдательной позиции Балмер, так и не решившийся приблизиться, заметил что-то на полу под ванной.

– Лори, рядом с вашей левой ногой. Там что-то есть.

– Мы увидели, – сказал констебль Дэвис, – но не стали трогать.

Лори прильнул щекой к деревянным половицам – под ванной лежала мокрая черная перчатка, ее слегка задвинули вглубь ногой. Он взял перчатку двумя пальцами, словно это было маленькое мертвое животное. Констебль Дэвис и сержант Балмер подошли поближе, чтобы разглядеть находку.

– А вот и орудие убийства, – подметил Балмер.

Лори поднес перчатку к носу: она ничем не пахла, с нее все еще капала вода. Он попробовал ее надеть. Перчатка пришлась по руке.

– Мужчина. Средних пропорций. Если только это не ложный след.

Он протянул перчатку Балмеру.

– Теперь ты.

Балмер попробовал, но не смог натянуть перчатку дальше фаланги большого пальца.
– Что ж, тебя из списка подозреваемых можно вычеркнуть, – сказал Лори.

Констебль Дэвис не понял, шутка ли это, и постарался не дышать, пока длилась пауза. Балмер и бровью не повел.

В дверь постучали. Лори открыл и увидел старика с лысой, как бильярдный шар, головой.
– Я доктор Мортимер. – Он протянул руку. – Меня попросили вернуться и ответить на ваши вопросы, если у вас они есть.

Позади него в полумраке застыла фигура горничной.

– Я инспектор Лори, а это – сержант Балмер. – Трое мужчин пожали друг другу руки. – Я должен сразу кое о чем у вас спросить. Сколько времени могло потребоваться на это? Для человека таких размеров?

Доктор отпрянул.

– Мне жутко об этом думать. Я знал ее еще ребенком. – Он посмотрел на свои руки. – Полагаю, около двух минут, чтобы обездвигнуть. Пять минут, чтобы убить наверняка.

– Спасибо. У нас точно будут к вам еще вопросы. Констебль Дэвис, вы не проводите доктора Мортимера в кабинет мистера Кэвендиша? Мы скоро спустимся. Только сначала поговорим с горничной, если вас не затруднит ее пригласить.

Доктор и констебль вышли, а Элиза с опаской шагнула в полумрак ванной – занавеска на окне все еще была задернута. Элиза старалась не смотреть в ванну, но все же то и дело украдкой поглядывала на грязно-белое полотенце, неровно лежавшее на теле.

– Не стоит нервничать. Мы только хотим задать пару вопросов. Меня зовут инспектор Лори, – сказал он и закрыл за ней дверь.

Нечто угрожающее ощущалось в фигурах двух мужчин в костюмах, стоявших у ванны с телом молодой женщины. Элиза звучно сглотнула. Балмер отступил к стене, а Лори продолжил:

– Это вы наполнили ванну для мисс Кэвендиш?

Элиза кивнула, в неестественном движении ее головы промелькнула тень ужаса, словно ей намекали, что это она виновата в трагедии.

– Где вы были, пока она принимала ванну?

– Убиралась в старой детской комнате.

– Где эта комната?

– Дальше по коридору. – Горничная напряглась, осознав, к чему он клонит, и пролепетала вдогонку: – Через три двери.

– И вы ничего не слышали? Ни криков, ни шума борьбы?

Она молча покачала головой. Потом зачем-то пояснила:

– Я уже говорила другому полицейскому.

– Он, может, вам и поверил. А вот я, боюсь, пока не могу.

Она снова покачала головой, будто отвечая на вопрос. Он продолжал:

– Понимаете, Элиза, – вас ведь так зовут?

Она кивнула.

– Понимаете ли, Элиза, убийство – дело довольно громкое. И не самое быстрое. Мне кажется весьма сомнительным, что вы, находясь так близко целых две минуты, совершенно ничего не услышали.

Она еще сильнее замотала головой, а в бесстрастном доселе взгляде Лори снова мелькнула улыбка.

– Элиза, вы молоды и не замужем?

Она обрадовалась перемене темы и охотно ответила:

– Да, мне восемнадцать.

– Но вы ведь симпатичная девушка. Значит, у вас должен быть ухажер.

Лицо ее снова потухло.

– Не пойму, к чему вы клоните.

– Я не мог не подметить, что вы носите браслет, новый и, очевидно, кем-то подаренный.

Он так заплатил вам за молчание?

Она посмотрела на запястье.

– Но как вы...

– Браслет дорогой, вам он не по карману, насколько я могу судить. Вы бы не стали убраться с такой красивой вещицей на руке, чтобы не повредить ее. Видимо, вы надели его в последние пару часов, следовательно, он новый и еще не ношенный – Лори пожал плечами, словно это должно быть очевидно.

Она замотала головой, на этот раз довольно сдержанно.

– Он новый, но я купила его на свои сбережения.

– Вы еще не знакомы с моим коллегой, сержантом Балмером. – Лори указал на зеркало, висевшее на стене напротив окна, и Элиза повернула голову. – У Балмера свой метод, немного отличный от моего.

В зеркале, будто в окне, где все видно наоборот, детектив-сержант Балмер отошел от стены и сзади приблизился к ним; его лицо выглядело устрашающе, как маска для Хеллоуина. От страха она не могла пошевелиться, и ей казалось, что все происходит как в кино – не с ней, а с кем-то другим. Правая рука Балмера медленно легла ей на затылок и толкнула к краю ванны. Споткнувшись о выставленную Балмером ногу, она потеряла равновесие и повисла на его огромной левой руке. Ее лицо оказалось прямо над застывшей, наполненной смертью водой. Схватившись за край ванны, Элиза судорожно попыталась оттолкнуться, но ее крепко удерживали в этом положении.

– Минуты должно хватить, – сказал Балмер, – большого вреда не будет.

Услышав угрозу, она в ужасе подняла голову и затараторила, почти выкрикивая каждое слово:

– Я вышла из дома. Я помолвлена, он живет неподалеку. Я отлучилась на час, пока не было кухарки. Я так делаю каждый день, можете проверить. Пожалуйста, не рассказывайте им. Я потеряю работу. Я не виновата. Я ничего не знала.

Балмер отпустил ее, она рухнула на пол и свернулась в клубок на коврике. Балмер посмотрел на своего напарника: того происходящее будто слегка забавляло.

– Тот, кто это сделал, сделает это снова, – произнес Лори. – Если весь мой опыт хоть на что-то годится. Станете и дальше препятствовать следствию, кровь будет на ваших руках.

Он распахнул дверь.

– Сообщите констеблю Дэвису имя жениха, и он проверит ваше алиби.

Балмер молча наблюдал, как она, пошатываясь, вышла из комнаты.

– Стало быть, свидетелей нет.

– И никаких реальных подозреваемых.

Быстро сверив свои записи, детективы поднялись по лестнице и постучали в дверь спальни миссис Кэвендиш.

Завидев их, она привстала в кровати.

– А вы кто?

Доктор залил в нее тонну успокоительного, ее опухшее лицо посреди пышных белых простыней напоминало розочку на торте. Охваченный горем мистер Кэвендиш сидел, ссутулившись, на краю кровати спиной к двери. Услышав, что вошли двое мужчин, он вскочил и обернулся. Лори тепло похлопал его по плечу.

– Мистер и миссис Кэвендиш, я инспектор Лори, а это мой коллега – сержант Балмер.

Балмер кивнул, а миссис Кэвендиш вяло поприветствовала их со своей кровати.

– Надеюсь, вы понимаете, что нам надо поговорить с каждым из вас наедине. Мистер Кэвендиш, не могли бы вы оставить нас и подождать в своем кабинете внизу? Там сейчас ваш друг доктор Мортимер, так что вам не будет одиноко.

– Конечно, – тихо пробормотал мистер Кэвендиш.

Он вышел и принялся боком медленно спускаться по лестнице, держась за перила обеими руками.

Лори закрыл дверь и подошел к кровати, Балмер встал у окна и уставился на улицу.

– Миссис Кэвендиш, боюсь, мне придется задать вам пару не самых тактичных вопросов, – сказал Лори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.